

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Гуманитарный институт
Кафедра истории России

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
 М. Д. Северьянов
подпись
«18» июня 2018 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

46.03.01 – История

Репрезентация исторической реальности в русской народной волшебной сказке (анализ опыта междисциплинарных исследований)

Руководитель

подпись, дата

д-р ист. наук, профессор В. П. Кривоногов

Выпускник

подпись, дата

Г. А. Евдокимова

Красноярск 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. История изучения русской народной волшебной сказки.....	12
1.1. История собирания сказки.....	12
1.2. Теоретическое изучение сказки.....	19
2. Характеристика волшебной сказки как исторического источника.....	41
2.1. Содержание термина «сказка».....	41
2.2. Происхождение волшебной сказки.....	44
2.3. Структура волшебной сказки.....	48
2.4. Примеры отражения исторического прошлого в русской народной волшебной сказке.....	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	59
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	62

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Сейчас в гуманитарных науках происходит переосмысление изучения исторических источников. Изменяются методы и подходы их исследования. Это касается и русской народной волшебной сказки. На сегодняшний день написано большое количество работ о волшебной сказке, которые выполнены в рамках разных направлений гуманитарного знания: фольклористики, этнографии, истории, лингвистики и др.

Важным аспектом в изучении сказки является ее историческое происхождение. Как любой исторический источник, на всем протяжении своего бытования она впитывала и воспроизводила разные элементы исторической действительности. Несмотря на присутствие выдумки в своем содержании, сказка имеет под собой реальную основу, люди вкладывали в нее те смыслы и модели поведения, которые были для них наиболее важны в определенный период. В дальнейшем она продолжала свое развитие и по мере того, в какой среде она бытовала, эволюционировала в связи с традициями того места.

Обращение к опыту разных гуманитарных наук в изучении русской волшебной сказки позволит наиболее системно подойти к рассмотрению данного исторического источника, определить природу его происхождения и важные свойства, и признаки. Это в свою очередь поможет понять, каким образом историческая действительность отражалась в волшебной сказке.

Степень изученности темы. Исследований, посвященных изучению русской народной волшебной сказки достаточно много. Они выполнены с точки зрения разных подходов, ставят разные вопросы и имеют разные объекты изучения.

Интерес к сбору сказок в России просыпается еще в XVIII в. С 1782–1787 г. в России выходило издание «Лекарство от задумчивости»¹. Данный сборник вызывает интерес для нас потому, что он включил в себя первые печатные книги

---

¹ Лекарство от задумчивости: Русская сказка в изданиях 80-х годов XVIII в. СПб., 2001.

русских сказок. Он вместил в себя 28 сказок. В данном сборнике присутствует указатель сюжетов, имен, предметов. В нем также размещен словарь малоупотребительных и областных слов.

Проблему отражения исторической действительности русской народной волшебной сказки нашло отражение в работе английского ученого Джеймса Джорджа Фрэзера «Золотая ветвь»². В этой работе о русской волшебной сказке говорит в теме о существовании души вне тела. Примером в работе Фрэзера является Кощей Бессмертный.

Также следует отметить труды Владимира Яковлевича Проппа, который посвятил большинство своих работ волшебной сказке и выработал уже классический метод изучения сказки - синхронический структурный метод. «Морфология волшебной сказки»³ Владимира Яковлевича является классикой, по которому можно ознакомиться с его синхроническим структурным методом и посмотреть, как именно он работает. В своей работе «Исторические корни волшебной сказки»⁴ он исследовал вопрос отражения исторической действительности в русских волшебных сказках. В данной работе Владимир Яковлевич написал о том, что сказку нужно сопоставлять с исторической действительностью прошлого и именно там искать ее корни. Данная работа является первой, которая была посвящена поиску исторических корней волшебной сказки.

Имеется отражение нашей проблемы и в работах Елеазара Моисеевича Мелетинского. В его работах присутствует синтагматический уровень анализа. В его работах присутствует более подробное изучение семантики фольклорного мотива и сюжета. Также он разрабатывал огромную тему фольклорных архетипов, данная тема привела его к анализу архетипических значений в произведениях русской классики. Благодаря своей работе он смог сформулировать концепцию литературно-мифологических архетипов. Данная

---

² Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980.

³ Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Л., 1928.

⁴ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

концепция интерпретация сказочной семантики исходит из мифологических истоков. В рамках данной концепции Елеазар Моисеевич настаивает на том, что сказка происходит от мифа.

Николае Рошияну в своей работе «Традиционные формулы сказки»⁵ проводит анализ на материале классических записей XIX – начала XX в. Он производит деление сказочных формул на три большие группы (инициативные, медиальные, финальные). В основном данная работа строится на сравнительном анализе структуры и функций традиционных формул сказок разных народов.

Также следует сказать о работе группы авторов «Структура волшебной сказки»⁶ ответственный редактор С.Ю. Неклюдов. В этой монографии говорится о сюжетно-семантическом анализе сказочного повествования с применением структурно-семиотических методов.

Стоит сделать акцент еще и на работах Николая Владимировича Новикова, поскольку его статьи «О специфике образа восточнославянской сказки (Кашей Бессмертной)»⁷ и «Образы русской и болгарской волшебной-фантастической сказки»⁸, являются новым веянием для того времени, в которое они вышли. В основе обеих статей лежит сравнительный анализ сказок восточных славян. Этим подходом он открыл новую ветвь изучения волшебной сказки.

Две статьи Брониславы Кербелите «Один разрушенный вариант сказки и его связь с древней традицией»⁹ и «О причинах сюжетного сходства некоторых литовских и восточнославянских сказок»¹⁰, показывают новый метод изучения волшебной сказки. Метод описания структуры текста был выработан Кербелите совместно с математиком А. Валужисом.

---

⁵ Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. М., 1974.

⁶ Неклюдов С. Ю. Структура волшебной сказки. М., 2001.

⁷ Новиков Н. В. О специфике образа восточнославянской сказки (Кашей Бессмертной) // Русский фольклор. 1966. Т.10. С. 149-176.

⁸ Новиков Н. В. Образы русской и болгарской волшебной-фантастической сказки // Русский фольклор. 1968. Т. 11. С. 140-159.

⁹ Кербелите Б. Валужис А. Один разрушенный вариант сказки и его связь с древней традицией // Балто-славянские этноязыковые контакты. 1980. С. 255-271.

¹⁰ Кербелите Б. О причинах сюжетного сходства некоторых литовских и восточнославянских сказок // Балто-славянские этноязыковые контакты. 1981. С.244-252.

Книга «Сказочный текст и традиционная культура»¹¹ Светланы Борисовны Адоньевой вышла в 2000 г. В своей работе с помощью культурно-психологического метода она сделала попытку в определении общекультурного «слоя» в тексте волшебной сказки.

Данный вопрос освещает также работа Толстого Н. И. «Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике»¹². В данной работе используются семиотические и лингвистические методы и понятия.

Еще одну работу стоит отметить «Физиология и психология персонажей русских народных волшебных сказок»¹³, написанная Т.В. Краюшкиной, написанная 2011 г. В данной работе Татьяна Владимировна изучает психологию и физиологию персонажей русских волшебных сказок. Ключевыми принципами исследования стали: интегрированный подход, который выражается в соединении данных из гуманитарных наук и специальная методика анализа, которая заключается в описании контекста.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что по данной проблеме написано достаточно монографий и книг. В них при помощи различных методов и подходов изучается волшебная сказка. Однако ни одна из них не имеет своей целью комплексный анализ русской волшебной сказки как исторического источника и рассмотрения данного явления с учетом всех историко-культурных особенностей. Исходя из этого нами была поставлена следующая цель работы.

Цель работы – проанализировать опыт изучения русской народной волшебной сказки в отечественной гуманитарной науке и определить информационный потенциал русской волшебной сказки как исторического источника.

Задачи:

1. рассмотреть историю изучения русской волшебной сказки;

---

¹¹ Адоньева С.Б. Сказочный текст и традиционная культура. СПб., 2000.

¹² Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

¹³ Краюшкина Т. В. Физиология и психология персонажей русских народных волшебных сказок. Владивосток, 2011

2. определить какие подходы и методы используются для изучения волшебной сказки в гуманитарных науках;
3. выяснить каким образом русская волшебная сказка может выступать в качестве исторического источника;
4. выяснить каким образом ученые выявляют историческую информацию из русской волшебной сказки;
5. оценить ее информационный потенциал.

Объект исследования – русская народная волшебная сказка как исторический источник.

Предмет исследования – опыт междисциплинарных исследований репрезентации исторической реальности в русской народной волшебной сказке.

Хронологические рамки. Нижней границей хронологической рамки является время активного собирания сказок – XVIII в. Верхняя граница работы охватывает и наши дни, поскольку изучение сказок идет по сегодняшний день.

Территориальные рамки. Работа охватывает территорию России, стран бывшего Советского Союза и стран Европы.

Методология исследования. Работа основана на принципах историзма и объективизма. Принцип историзма позволил рассмотреть эволюцию подходов и методов изучения волшебной сказки во времени и выявить определенные этапы развития в ее изучении. Принцип историзма позволил выделить этапы в истории изучения волшебной сказки. Метод объективизма позволил провести качественный анализ работ авторов для выделения подходов и методов исследования волшебной сказки. Также метод объективизма позволил выявить характеристики сказки как исторического источника и вычленить особенности репрезентации исторической действительности в волшебных сказках.

Также работе был использован междисциплинарный подход, поскольку исследование привлекает опыт разных гуманитарных наук (фольклористики, этнографии и истории) в изучении волшебной сказки.

Историко-сравнительный метод был использован для оценки полезности подходов и методов разных гуманитарных дисциплин в изучении волшебной сказки и выявления ее источниковедческих характеристик.

Чтобы проследить развитие изучения волшебной сказки, для того чтобы извлечь максимальное количество информации был использован проблемно-хронологический метод.

Историко-описательный метод был необходим для подробного изучения истории изучения волшебной сказки.

Источниковая база исследования. Представлена народными русскими сказками Александра Николаевича Афанасьева в трёх томах. Сборник А.Н. Афанасьева «Народные русские сказки»¹⁴ первоначально был издан в 1855–1864 гг. Переработанная редакция была опубликована в 1873 г. Сборник включает в себя: сказки о животных (1-299), волшебные сказки (300-749), легендарные сказки (750-849) и новеллистические сказки (850-999). Сборник Афанасьева, как любой источник некоторые недостатки. В нем нет указаний на бытование сказок, то есть в сборнике Афанасьева отсутствует информация о том, откуда так или иная сказка. Также Афанасьев собирал сказки только на той территории, где сам жил – Воронежская губерния. Остальные материалы были собраны В. И. Далем. Но несмотря на это сборник включается в себя подлинные русские сказки и имеет научное значение.

Худяков Иван Александрович является еще одним собирателем сказок. Его собрание «Великорусские сказки»¹⁵ выходило в 1860–1862 гг. Данный сборник содержит в себе 38 сказок. Сказки, которые собраны в данном сборнике были записаны в Центральной России преимущественно в Рязанской губернии. В связи с этим в его сборнике имеются сказки, которые схожи со сказками из сборника Афанасьева.

---

¹⁴ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки в трёх томах. М., 1984–1985.

¹⁵ Худяков И. А. Великорусские сказки. М., 1860.

«Сказки и предания Самарского края»¹⁶, сказки собраны Денисом Николаевичем Садовниковым, он записал 124 сказки. Собираение данных сказок происходило на территории Среднего Поволжья.

Красноярский подотдел Восточно - Сибирского отдела Русского географического общества в 1902 и 1906 гг. опубликовал собрание «Русские сказки и песни в Сибири»¹⁷. Данный сборник является первой публикацией сибирского фольклора.

«Северные сказки»¹⁸ Николая Евгеньевича Ончукова были выпущены Русским Географическим Обществом в 1908 г. Данный сборник является уникальным, поскольку автор самостоятельно проводил запись сказок на территории Олонецкой и Архангельской губерниях. Сборник состоит из 303 сказок. Материал в сборнике расположен по сказочникам. Сборник располагает их биографией. В нем имеются указатели имен, предметов.

«Великорусские сказки Пермской губернии»¹⁹ и «Великорусские сказки Вятской губернии»²⁰ выходили в 1914 и 1915 гг. соответственно. Эти сказки собирал Дмитрий Константинович Зеленин. В целом в два эти сборника включены 1311 сказка. Материал расположен по сказочникам.

«Восточносибирские сказки»²¹ - это сборник Марка Константиновича Азадовского, был выпущен в 1928 г. В нем содержится 70 сказок. Данный сборник поделен на 3 части.

В 1949 г. в свет вышел сборник Василия Федоровича Шурыгина «Сказки Смоленщины»²². В данном сборнике имеется 8 сказок. Данный сборник в принципе является переизданием предыдущих публикаций Шурыгина, просто собраны все воедино.

---

¹⁶ Садовников Д. Н. Сказки и предания Самарского края. СПб., 2003.

¹⁷ Русские сказки и песни в Сибири. СПб., 2000.

¹⁸ Ончуров Н. Е. Северные сказки. СПб., 1998.

¹⁹ Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914.

²⁰ Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915.

²¹ Азадовский М. К. Восточносибирские сказки. СПб., 2006.

²² Шурыгин В. Ф. Сказки Смоленщины. Смоленск, 1949.

В 1950 г. – «Сказки и легенды пушкинских мест»²³. Сказки собраны В. И. Чернышевым. Сказки были записаны в селах Михайловское и Болдино и прилегающих к ним селах и деревнях.

Еще в 1950 г. вышел сборник «Азербайджанские сказки»²⁴, составил данный сборник Алихман Ахундов. Сборник содержит в себе 32 сказки. В данном сборнике имеются указания на авторов и содержит в себе указатель на места бытования сказки.

Нина Дмитриевна Комовская в 1951 г. издала сборник «Предания, бывальщины и сказы Горьковского области»²⁵. Данная книга делится на две части: сказки и предания. Тексты сказок записаны в конце тридцатых годов. Недостатком данного сборника является отсутствие указания на бытование сказки. Это является важным пунктом для изучения волшебной сказки.

Сборник «Песни и сказы рыбаков»²⁶ вышел в 1952 г. Любимов и Охотникова являются составителями данного сборника. Данный сборник делится на три раздела. Отрицательная черта данного сборника – это литературная обработка сказок.

Следующий сборник, который вышел в 1952 г., составлен Ниной Дмитриевной Комовской – «Сказки М. А. Сказкина»²⁷. Сказки представленные в этом сборнике рассказаны одним сказочником. В данной сборнике отмечено место бытования сказок, рассказанных Сказкиным.

В 1969 г. Эрна Васильевна Померанцева выпустила сборник «Русские народные сказки (Сказки, рассказанные воронежской сказочницей А. Н. Корольковой)»²⁸. Данный сборник, как и предыдущий записан из уст одного рассказчика – Анны Николаевны Корольковой. Он содержит в себе 70 текстов, один текст сохранен с особенностями речи сказочницы.

---

²³ Чернышев В. И. Сказки и легенды пушкинских мест. СПб., 2004.

²⁴ Ахундов А. Азербайджанские сказки. Баку, 1950.

²⁵ Комовская Н. Д. Предания, бывальщины и сказы Горьковского области. Горький, 1951.

²⁶ Любимов А. А. Песни и сказы рыбаков. Астрахань, 1952.

²⁷ Комовская Н. Д. Сказки М. А. Сказкина. Горький, 1952.

²⁸ Королькова А. Н. Русские народные. М., 1969.

В 1971 г. Эрна Васильевна выпустила еще один сборник сказок: «Русские сказки в ранних записях и публикациях XVI – XVIII вв.»²⁹. Сбором материала и изданием занималась сама Померанцева. Сборник поделен на два раздела. Все сказки, имеющиеся в сборнике переведены на современный язык.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые проводится системный анализ существующих на сегодняшний день работ, которые связаны с волшебной сказкой. Анализируются существующие подходы и методы с помощью, которых проводится изучение волшебной сказки в рамках различных гуманитарных наук: фольклористики, этнографии и истории. Работа направлена на выявление их исследовательского потенциала при изучении волшебной сказки как исторического источника и культурного феномена в целом. Изучение историографии и инструментов позволит проследить развитие изучения волшебной сказки. Также это позволит раскрыть определенные свойства волшебной сказки и изучить особенности ее появления и функционирования в обществах разного типа.

Практическая значимость исследования. Данная работа позволила наметить перспективы комплексного междисциплинарного исследования волшебной сказки как исторического источника и культурного феномена в целом.

Апробация исследования. Научная статья по материалам работы были представлены на конференции «Свободный – 2016» в Сибирском Федеральном Университете. Статья была посвящена проблеме исторической интерпретации образа Бабы-Яги в отечественной историографии.

Структура исследования. Бакалаврская работа состоит из введения, двух глав и заключения.

---

²⁹ Померанцева Э. В. Русские сказки в ранних записях и публикациях XVI–XVIII вв. М., 1971.

1. История изучения русской народной волшебной сказки

1.1. История собирания сказки

XVIII век. История изучения сказок началась в XVIII в., в это время, как раз у исследователей проснулся интерес к ним. Первым ученым, который распознал ценность сказки стал В.Н. Татищев, в сказке он увидел отражение истории и быта русского народа. Интерес к сказкам проявляли многие писатели XVIII в., но только к началу XIX в. А.А. Бестужев-Марлинский разглядел в сказке отражение «души русского народа». В сказках Бестужев-Марлинский видел не только отголоски старины, но и понимал их жизненное значение.

С 1782–1787 гг. выходила в свет книга «Лекарство от задумчивости». Книга составлена из четырех изданий. Данный сборник сказок уникален тем, что он содержит в себе первые печатные книги русских сказок.

В 1794–1795 гг. было опубликован сборник сказок «Старая погудка на новый лад». Данные сказки были собраны Кларой Кореповой. Данный сборник состоит из трех частей, он содержит в себе 46 сказок. Причину издания сборника она объясняет: «Зная много людей, кои большую имеют охоту до старых погудок, из них некоторые желательны были, чтоб иметь несколько забавных и шуточных повестей, собранных в одно место, которые и были изданы в свет. Итак я во удовлетворение их желания столько, сколько мог заимствовать от разных рассказчиков, снабдивших меня сею материею, собрал и читателям моим сообщаю»³⁰.

XIX век. К 1860-м гг. интерес к фольклору становится все более научный. В этот период времени появляется знаменитое собрание «Народные русские сказки» Александра Николаевича Афанасьева. Причина, по которой Афанасьев стал активно собирать сказки по России заключается в том, что на территорию Российской Империи пришла мифологическая теория. Данное направление

---

³⁰ Старая погудка на новый лад: Русская сказка в изданиях конца XVIII в. // Полное собрание русских сказок; Т. 8. Ранние собрания СПб., 2003. С. 18.

пришло из Германии, Афанасьев подчёрпнул его для себя из работ Вильгельма и Якоба Гримм. Цель своей работы Афанасьев формулирует, исходя из концепции близкой к концепции братьев Гримм. «Цель настоящего издания — объяснить сходство сказок и легенд у различных народов, указать на учено и поэтическое их значение и представить образцы русских народных сказок»³¹. Смысл теории в том, что устное народное творчество - это не что иное как остатки от древних мифов. Но не смотря на всю масштабность работы, не все сказки записывал сам Афанасьев, большинство сказок были записаны Далем и переданы Афанасьеву для публикации. Также стоит отметить тот факт, что Афанасьев записывал сказки не так, как они были услышаны, он проводил редакцию текста сказки. Но не смотря на все это сборник «Народных русских сказок» Александра Николаевича Афанасьева является сокровищницей русского народно-поэтического творчества³².

Еще одним собирателем сказок XIX в. был Иван Александрович Худяков. В отличие от Афанасьева, все свои сказки он записывал сам. В его сборнике «Великорусские сказки» тридцать восемь народных сказок, две саги и один рассказ о ведьме. Поскольку этот сборник вышел почти в тоже время, что и сборник Афанасьева, он остался в его тени. Опять же, несмотря на то, что сборник вышел в одно и тоже время с «Народными русскими сказками» в нем имеются несколько уникальных сюжетов, которые отсутствуют в Афанасьевском сборнике.

Сборник «Сказки и предания Самарского края» вышел в 1884 г. Денис Николаевич Садовников самостоятельно собрал и записал 124 сказки. Денис Николаевич производил сбор на территории Среднего Поволжья. В данном сборнике представлены не только сказки, но в принципе народное творчество: сказки, легенды, предания, былички. Уникальность данного сборника, заключены в некоторых сказках, собранные и записанные Садовниковым,

---

³¹ Померанцева Э. В. А. Н. Афанасьев и братья Гримм // Советская этнография. 1985. №6. С. 86.

³² Померанцева Э. В. А. Н. Афанасьев и братья Гримм // Советская этнография. 1985. №6. С. 90.

уникальность их заключен в их сказочной традиции, то есть данные сказки еще не встречались не одному фольклористу.

XX век. В 1902 и 1906 гг. было издано собрание «Русские сказки и песни в Сибири (записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества)». Данное собрание сказок представляет собой первую попытку публикации сибирского фольклора. Как можно увидеть из названия, что в данном сборнике присутствуют не только сказки, но и песни. Данные сказки были собраны разными людьми: Макаренко А.А., Андриановой Н.А., г-жой Жилинской. Некоторые сказки записаны от сказочника, другие относятся к определенной местности. Главным редактором собрания является Григорий Николаевич Потанин.

В 1908 г. выходит сборник сказок Николая Евгеньевича Ончукова «Северные сказки». Записи данных сказок сделаны в Архангельской и Олонецкой губерниях. Уникальность данных сказок заключается в том, что Николай Евгеньевич сам собирал их. Николай Евгеньевич считал, чтобы лучше понять сказку, нужно изучить место ее бытования, жизнь людей. Также уникальность Ончукова, как собирателя сказок заключается в том, что он просил сказителей, рассказывать сказку так, как он всегда ее рассказывает, никаким образом не украшать ее, ведь в этом суть записи сказки³³.

Спустя всего 6 лет в 1914–1915 гг. вышло два сборника сказок Зеленина: «Великорусские сказки Пермской губернии» и «Великорусские сказки Вятской губернии». Зеленин публиковал группировал сказки по сказителям, также предоставлял краткую биографию каждого сказителя, записано описания края. Дмитрий Константинович также записывал сказки этих сборников самостоятельно. В них собрано 1311 сказка.

В 1928 г. выходил сборник «Восточносибирские сказки» Марка Константиновича Азадовского. Данный сборник поделен на 3 части: «Сказки Верхнеленского края», «Сказки из разных мест Сибири» и «Ленские

---

³³ Ончуков Н. Е. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб., 1908. Т. 33. С. 19.

причитания». Первая часть сборник «Сказки Верхнеленского края» были собраны Марков Константиновичем лично, сбор сказок происходил вблизи Байкала. Вторая часть сборника – это отредактированные записи студентов Педагогического факультета Иркутского университета. Редакцией записей занимался лично Азадовский.

«Сказки Смоленщины» Шурыгина Василия Федоровича вышли в свет 1949 г. В сборнике представлено всего восемь сказок. «Это – обычные традиционные сказки на тему о солдатской хитрости («Клец-солонец»), честности бедняка («Знай свой топор»), чудесном сне («Чудный сон»), ловком работнике («Поп и работник») и т. д.»³⁴. На данный сборник была дана негативная оценка Льва Никитовича Пушкарева. Он считает, что данный сборник – это «литературная обработка», которая просто извращает представление читателей о творчестве великого народа³⁵. Данная оценка была характерна для методологического восприятия 1951 г. В сборнике отсутствует предисловия, поэтому мне не известно, каким именно образом проводился сбор сказок для данной книги Шурыгиным Василием Федоровичем.

В 1950 г. вышла книга «Сказки и легенды пушкинских мест» В. И. Чернышева. Книга построена на материале, записанном В. И. Чернышевым в окрестностях села Михайловского, в селе Болдине и близлежащих к нему селах и деревнях и в близком к Пушкинскому Бежаницком районе. Померанцева в своей рецензии большой акцент сделала на то, что несмотря на дотошную работу по сбору сказок этих мест и все равно: «сборник вызывает чувство неудовлетворенности и досады. Собирателю не удалось показать тот живой творческий процесс, свидетелем которого он был. Он не показал во всей полноте особенностей бытования сказки в обследованных им районах, отношения к ней аудитории и самих сказочников, роли сказки в жизни и быту населения»³⁶. Данный сборник, как его охарактеризовала Эрна Васильевна: «не

---

³⁴ Пушкарев Л. Н. Сказки Смоленщины // Советская этнография. 1951. №1. С. 219.

³⁵ Пушкарев Л. Н. Сказки Смоленщины // Советская этнография. 1951. №1. С. 219-220.

³⁶ Померанцева Э. В. Сказки и легенды пушкинских мест // Советская этнография. 1951. №1. С. 217.

поднимающийся над уровнем сборника любопытных материалов, недостаточно осмысленных и обобщенных их собирателем и исследователем»³⁷.

Также в 1950 г. вышел в свет еще один интересный сборник. «Азербайджанские сказки», составителем является Алихман Ахундов. В данном сборнике собрано 32 сказки, из них только 13 были записаны самим Ахундовым, остальные были получены от местных собирателей. Данные сказки очень качественно переведены на русский язык, в них отсутствует литературная обработка. В ней есть указания на авторов, на место бытования сказки.

В 1951 г. вышел сборник Нины Дмитриевны Комовской «Предания, бывальщины и сказы Горьковской области». Горьковская область (б. Нижегородская губерния) издавна славится богатством и разнообразием народного искусства: затейливой городецкой росписью, искусной деревянной резьбой, узорчатыми золотыми хохломскими изделиями³⁸. В данном сборнике представлено два раздела: предания и сказки. «Предания и легенды представляют большой интерес как исторический документ, как своеобразная устная летопись и вместе с тем как выражение оценки прошлого с точки зрения советского человека»³⁹. «Во второй части сборника приведены прекрасные тексты традиционных сказок. Тексты эти, записанные в конце тридцатых годов, являются показателем исключительной сохранности сказочной традиции в Горьковской области. Вместе с тем они свидетельствуют о том, что в старую традиционную сказку властно вторгается современность»⁴⁰. В данном сборнике на нашлось отражение бытования сказки, а это несомненно является важным пунктом для дальнейшего изучения сказки. Делая вывод о сборнике Эрна Васильевна говорит: «традиционный фольклор отнюдь не является какой-то

---

³⁷ Померанцева Э. В. Сказки и легенды пушкинских мест // Советская этнография. 1951. №1. С.218.

³⁸ Померанцева Э. В. Предания, бывальщины и сказы Горьковской области // Советская этнография. 1950. №4. С.224.

³⁹ Померанцева Э. В. Предания, бывальщины и сказы Горьковской области // Советская этнография. 1950. №4. С.224.

⁴⁰ Померанцева Э. В. Предания, бывальщины и сказы Горьковской области // Советская этнография. 1950. №4. С.225.

музейной древностью, своеобразным реликтом, а активно воздействует на действительность, имеет большое агитационное и воспитательное значение»⁴¹.

Сборник «Песни и сказы рыбаков», составителями данного сборника являются А. Любимов и Ф. Охотникова. Данный сборник вышел в свет в 1952 г. «Характер и назначение рецензируемого сборника четко определены в предисловии к нему: «Настоящий сборник является первой попыткой собрать образцы устного народного творчества рыбаков Волго-Каспия. В трех разделах сборника: «О Степане Разине», «Дореволюционные песни, сказки, предания», «Жизнь советская» – даны как оригинальные, ранее не публиковавшиеся записи, так и некоторые произведения, известные по прошлым публикациям. Сборник не претендует на исчерпывающую полноту и имеет целью ознакомить читателей с образцами устного народного творчества одной из областей нашей страны, а также привлечь внимание местных культурных сил к более систематической, глубокой работе по собиранию и изучению устного творчества на Волго-Каспии»⁴² Липец пишет о том, что сборник сам по себе неплохой, но имеет ряд недочетов. Несколько текстов были подвержены литературной обработке, нет указаний на то, являются ли тексты песен оригинальными или это уже поздние переделки. В примечаниях и словаре также имеет ряд недостатков. В целом можно сказать данная работа имеет большой исследовательский потенциал, но в связи с ошибками, допущенными при составлении данного сборника будет сложно полной мере провести исследование быта рыбаков по устному народному творчеству.

Также в 1952 г. в свет вышел сборник, составленный Ниной Дмитриевной Комовской «Сказки М. А. Сказкина». В данном сборнике собраны сказки, рассказанные одним сказочником М. А. Сказкиным. Данные сказки были записаны Ниной Дмитриевной самостоятельно, из уст самого Сказкина. В данном сборнике есть примечания о бытовании сказок, также есть записи новых

---

⁴¹ Померанцева Э. В. Предания, бывальщины и сказы Горьковской области // Советская этнография. 1950. №4. С.225.

⁴² Липец Р. Песни и сказы рыбаков // Советская этнография. 1952. №4. С. 210.

советских сказок, которые были придуманы Сказкиным. Савушкина пишет: «Несмотря на указанные недостатки, большинство которых относится к теоретическим положениям вступительной статьи, сборник по своему материалу производит хорошее впечатление. Сказкин безусловно талантливый сказочник, особенно в области традиционной волшебной сказки»⁴³.

В 1969 г. вышел сборник «Русские народные сказки (Сказки, рассказанные воронежской сказочницей А. Н. Корольковой)». Составителем и главным редактором данного сборника является Эрна Васильевна Померанцева. Данный сборник интересен тем, что сказки, которые в нем собраны, рассказаны одним человеком Анной Николаевной Корольковой. В данном сборнике собрано 70 текстов, остальные тексты адаптированы к нашей речи, один текст был сохранен с особенностями речи Анны Николаевны. «Сборник «Русские народные сказки» дает весьма ценный материал, позволяющий судить о причинах сохранности произведений традиционного фольклорного жанра и формах передачи их талантливой современной сказительницей»⁴⁴.

Еще один сборник русских сказок «Русские сказки в ранних записях и публикациях XVI–XVIII вв.» был собран и издан Эрной Васильевной Померанцевой в 1971 г. Сборник поделен на два раздела. Первый включает в себя сказки, которые были записаны в XVI–XVIII вв., но при этом они опубликованы позже, потому что были воспроизведены по сохранившимся рукописям или же их перевели с иностранного языка. Второй раздел включает в себя сказки XVIII в. «Сам выбор сказок обуславливался степенью их фольклорности». Мы отбирали из них такие, которые, на наш взгляд, по сюжету, языку, стилю, трактовке образов, композиции ближе стояли к русской народной сказке в ее позднейшей записи»⁴⁵. Сказки переведены на современный язык.

В целом же можно сказать о том, что на протяжении XIX в. прослеживается огромный скачок от полного безразличия к сказке до активного собирания и

---

⁴³ Савушкина Н. Сказки М.А. Сказкина // Советская этнография. 1954., №4. С.171.

⁴⁴ Колесницкая И. М. Русские народные сказки // Советская этнография. 1970. №3. С. 190.

⁴⁵ Померанцева Э. В. Русские сказки в ранних записях и публикациях XVI - XVIII вв. М., 1971. С. 37.

изучения ее исторических корней. В XX в. можно увидеть, что большинство белых пятен, связанных с собиранием сказки были закрыты. Начали собирать сказки, ограниченные по территории (только Горьковская область) или же вообще сказки одного сказочника.

На основании анализа данных сборников, я могу сделать вывод о том, что на протяжении почти двух с половиной веков интерес к сказке не угасает, наоборот к ней возвращаются все с большим интересом. К началу XXI в. хоть и не издается такое большое количество публикаций касающихся волшебной сказки, поскольку в большинстве регионов Российской Федерации и стран бывшего Советского Союза утеряна сказочная традиция. Но несмотря на это продолжают отправлять этнографические экспедиции, которые непосредственно связаны со сбором сказок, хоть и их поздних вариантов.

1.1. Теоретическое изучение сказки

Дореволюционные работы. До сороковых годов XIX в., основным вопросом, который стоял у истоков изучения сказки, был вопрос о сущности сказки. С начала 40-х гг. центром изучения сказки становится изучение ее прошлого. В это время сказку перестают соотносить с каким-либо смежным жанром устного народного творчества, исследователей перестает интересовать ее форма, ставятся новые проблемы для ее изучения. Ставятся новые вопросы, но к сожалению, положение науки на тот момент, не могло дать ответ на те вопросы, которые интересовали ученых в отношении сказки.

Во второй половине XIX в. появилось новое направление: школа сравнительно-исторического литературоведения. Важнейшим ученым данного направления является Александр Николаевич Веселовский. Он представлял искусство, как отражение изменений в жизни общества. Из теории братьев Гримм для себя Александр Николаевич подчерпнул только, то, что народные корни поэзии и языческая мифология, это арсенал первых художественных форм. В своей работе «Разыскания в области русского духовного стиха»

Веселовский рассказал о теории встречных течений: «Объясняя сходство мифов, сказок, эпических сюжетов у разных народов, исследователи расходятся обыкновенно по двум противоположным направлениям: сходство либо объясняется из общих основ, к которым предположительно возводятся сходные сказания, либо гипотезой, что одно из них заимствовало свое содержание из другого. В сущности, ни одна из этих теорий в отдельности не приложима, да они и мыслимы лишь совместно, ибо заимствование предполагает в воспринимающем не пустое место, а встречные течения, сходное направление мышления, аналогические образы фантазии»⁴⁶. О своем методе он говорит, как: «...развитие исторического, тот же исторический метод, только учащенный, повторенный в параллельных рядах, в видах достижения возможного полного обобщения»⁴⁷. Ученый был убежден, что в сюжетной сфере можно выделить определённые схемы и проследить их развитие с древнейших пор до наших дней. Он считал, что сюжеты – это сложные схемы, в образности которых обобщились известные акты человеческой жизни и психики в чередующихся формах бытовой деятельности. Теми же схемами, только одночленными, считал Веселовский мотивы: «Под мотивом я разумею простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения»⁴⁸.

В конце XIX в. появилась психологическая школа. Основоположник данной школы является Александр Афанасьевич Потебня. В 1862 г. он опубликовал свой труд «Мысль и язык» - в нем он выразил наиболее полное изложение своих взглядов. В центре его учения лежит высказывание филолога В. Гумбольдта, о том, что слово — это не просто носитель мысли – оно является генератором мысли. Язык по учению Александра Афанасьевича служит основой для нравственной жизни. Язык он считает средством коммуникации между людьми, но слово и его понимание, является индивидуальностью.

---

⁴⁶ Веселовский А. Н. Статьи о сказке. Л., 1938, С.98.

⁴⁷ Веселовский А. Н. Статьи о сказке. Л., 1938, С. 111.

⁴⁸ Веселовский А. Н. Статьи о сказке. Л., 1938. С. 109.

Еще одним важным пунктом учения Потебни является аналогия между художественным произведением и словом. Потебня говорит о том, что история литературы должна постепенно сближаться с историей языка, поскольку они друг без друга просто ненаучны.

Советская историография. Владимир Яковлевич Пропп является один из основоположников структурной фольклористики. Он первый кто начал разработку и применение структурного метода в гуманитарной науке.

В 1928 г. вышла в свет «Морфология волшебной сказки» Владимира Яковлевича Проппа, «Это исследование в некоторых отношениях намного опередило свое время: абсолютный масштаб научного открытия В. Я. Проппа стал очевиден только после того, как в филологические и этнологические науки внедрились методы структурного анализа»⁴⁹. Данная книга является одной из самых популярных фольклористических исследований. Владимир Яковлевич в своей работе раскрывает строение волшебных сказок.

В «Морфологии волшебной сказки» В.Я. Пропп рассматривает специфику волшебной сказки, при помощи структурно-синхронного анализа. Стоит сделать акцент на том, что Пропп не был противником эволюционного исторического подхода. Но стоит выделить то, что Пропп настаивал на том, что описательное-структурное изучение сказки должно предшествовать изучению истории.

Также стоит указать тот факт, что Пропп говорит в «Морфологии...» о том, что точно определить волшебную сказку сложно поэтому «существование волшебных сказок, как особого разряда, допускается, как необходимая рабочая гипотеза. Под «волшебными» пока подразумеваются сказки, выделенные Аарне под №№ 300-749»⁵⁰. Работая над материалами, Пропп сделал вывод о том, что в сказке присутствуют разные величины: постоянные и переменные. Постоянными являются функции действующих лиц. Метод, который он использует в своей работе – это метод межсюжетного сравнения данных сказок. Благодаря этому методу, пишет Пропп: «Это дает нам возможность изучать

---

⁴⁹ Мелетинский Е. М. Структурно-топологическое изучение сказки. М., 1998. С. 1.

⁵⁰ Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Л., 1928. С. 29.

сказку по функциям действующих лиц»⁵¹. «Под функцией понимается поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия»⁵².

Выводы, которые делает Пропп на основе такого анализа, он выражает в четырех положениях:

1. постоянными, устойчивыми элементами сказки служат функции действующих лиц, независимо от того, кем и как они выполняются. Они образуют основные составные части сказки.

2. число функций, известных волшебной сказке, – ограничено.

3. последовательность функций всегда одинакова. При этом, данная закономерность касается только фольклора – искусственно созданные сказки ей не подчинены.

4. все волшебные сказки однотипны по своему строению, т.е. дают одинаковые функции.⁵³

В «Морфологии волшебной сказки» Владимир Яковлевич выделил 31 возможную функцию. Но нужно отметить тот факт, что большинство функций существует парами, например, запрет – нарушение. Следует также обозначить тот факт, что все функции объединены кругом действий волшебной сказки. Фактически в сказке имеется 7 действующих персонажей: герой (Иван-царевич, Иван-дурак), вредитель (Змей, мачеха), отправитель (Царь, мачеха), даритель (Баба-Яга), царевна (Василиса Прекрасная, Марья Моревна), ложный герой (Братья), помощник (Конь, волк).

Из этого можно сделать вывод о том, что содержание любой сказки может быть изложено в коротких фразах, например, Баба-Яга похищает брата, Иван-царевич побеждает змея и т.д. Подлежащие и дополнения дают сюжет сказке, определяют его, сказуемые показывают композицию волшебной сказки. То есть одна и та же композиция может лежать в основе нескольких сказок.

---

⁵¹ Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Л., 1928. С. 30.

⁵² Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Л., 1928. С. 31

⁵³ Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Л., 1928. С. 32-34.

Так как Владимир Яковлевич Пропп указал на то, что в принципе строение волшебных сказок одинаково, он не смог ответить на вопрос о происхождении сказок в «Морфологии волшебной сказки», но данное исследование им было проделано чуть позже и в 1946 г. в свет вышло еще одна книга Проппа, посвященная волшебным сказкам – «Исторические корни волшебной сказки».

«Исторические корни волшебной сказки» представляют собой исторический анализ конкретных мотивов волшебных сказок. Данная работа Пропп является первой этнографической работой по изучению волшебной сказки. В данной работе он продолжает идею Пьера Сентива, о том, что в народных сказках имеет упоминание о ритуалах инициации. Он говорил о том, что сказку стоит сопоставить с прошлой действительностью, и сделать попытку в поиске исторических корней волшебной сказки. Сказки нужно сравнить с социальными институтами, которые присутствовали в прошлом, искать в них отклик волшебной сказки. Пропп говорил о том, что имеет смысл сопоставить сказку с мифами первобытных доклассовых народов, для того чтобы отыскать истоки появления волшебной сказки.

Пропп продолжает использовать свой инновационный метод в области фольклористики – структурно-синхронный анализ. «Принцип, который здесь выдвигается, противоположен принципу, обычно лежащему в основе фольклорных исследований. Здесь обычно прежде всего стремятся к исчерпывающей полноте материала. Но фактически мы видим, что там, где материал в пределах доступности действительно исчерпан, вопросы все же решены неправильно, потому что задача поставлена неправильно. Здесь же выдвигается иная точка зрения: прежде всего должна быть правильно поставлена задача, и тогда правильный метод приведет к правильному решению»⁵⁴. В своей работе Владимир Яковлевич говорит о том, что мотивы волшебной сказки каким-то образом должен быть связан с обрядом инициации или же с мифологическими представлениями о смерти и переходе в тот мир. Но проблема,

---

⁵⁴ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 24.

которую видит Пропп заключается в том, что является ли сказка описанием реально существующей системы обрядов или же это всего лишь сценарий, который не имеет какой бы то ни было исторической подоплеки.

Подтверждением предположения о происхождении сказок из устных преданий, рассказываемых при инициации, служит схожесть мотивов и функций персонажей в сказках самых разных народов. Кроме того, Пропп приводит этнографические данные, показывающие процесс разложения древней тотемической религии и превращения сакральных некогда устных преданий в сказки. Рассматривая этносы, ещё не расставшиеся с тотемизмом (и не имеющие сказок как таковых), находящиеся в процессе его разложения и современные сказки «культурных» народов, Пропп приходит к выводу о единстве происхождения волшебной сказки.

Научное наследие В. Я. Проппа в целом, не только не осознано, но в значительной своей части просто неизвестно мировой гуманитарной науке. Восстановление научно-методологического контекста Проппа (а его составляют работы таких ученых как Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Г. Фреге, Р. Якобсон, П. Богатырев, М. Бахтин, К. Леви-Стросс, В. Тэрнер) сделает очевидным тот факт, что его работы оказались значительно опережающими науку XX в., поскольку объединили самое высокое логико-философское обобщение с конкретностью культурного факта, не накладывая на бытие, но выводя из него новую научную парадигму.

В 1958 г. была опубликована работа Елеазара Моисеевича «Герой волшебной сказки. Происхождение образа». В своей работе он ставит задачу о том, что он «постарается показать, что образ демократического героя волшебной сказки имеет реальные социально-исторические корни, что в нем, а также в мотиве незаслуженных гонений, претерпеваемых героем, отражается процесс разложения первобытнообщинного строя, патриархального уклада, переход от рода к семье»⁵⁵.

---

⁵⁵ Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.-СПб., 2005. С. 7.

В своей работе о «Герой волшебной сказки. Происхождения образа» он ставит задачу анализа социальных корней сказочного эпоса, «анализ общих социально-исторических процессов, на фоне которых формировался художественный жанр волшебной сказки»⁵⁶. В центр своего исследования он ставит проблему героя как носителя народных идеалов. Елеазар Моисеевич считает, что «решить ее можно только путем сравнительно-исторического изучения сказки с использованием фольклора народов, стоящих на различных ступенях общественного развития»⁵⁷. Процессы, которые будут выявлены, будут обуславливать формирование волшебной сказки, смогут показать каким именно образом прошло формирование сказки. Как пишет Мелетинский в ходе этого исследования обнаружится, что у некоторых типов героев народов (родственных или нет), тесно связаны исторически. «Применяя сравнительно-исторический метод, мы будем рассматривать прежде всего социальное содержание сказки и демократические идеалы, воплощенные в ней, а не формально сопоставлять сюжеты»⁵⁸.

В результате своей работы, используя сравнительно-исторический метод Елеазар Моисеевич сделал вывод о том, что «сказка как элементарная форма искусства возникает на чисто социальной и глубоко демократической основе. Главные черты сказочной эстетики – идеализация невинно гонимого и «низкого» героя – вырастают на почве идеализации социально обездоленного»⁵⁹. Он делает вывод о том, что в сказке речь идет о социальной справедливости. В момент появления волшебной сказки происходит «эстетическим обобщением этических представлений «первобытного коммунизма»⁶⁰. Но Мелетинский подчеркивает тот факт, что первобытный коммунизм является лишь исходной точкой сказочной идеализации.

Мелетинский считает, что сказку несправедливо считают, чем-то далеким от действительности. В пример он приводит пьесу Дидро «Это не сказка», как

---

⁵⁶ Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.-СПб., 2005. С. 14.

⁵⁷ Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.-СПб., 2005. С. 14.

⁵⁸ Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.-СПб., 2005. С. 14.

⁵⁹ Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.-СПб., 2005. С. 217.

⁶⁰ Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. -М.-СПб., 2005. С. 217.

раз в подтверждение того, что это правдивая история. Но в своей работе он доказал то, что в сказке имеются моменты, связанные с историческим прошлым.

В своей работе он выделяет несколько слоев изображения действительности в волшебной сказке. Первый слой это, когда фольклористы хотят увидеть прямое отражение реальности в сказке, увидеть достоверное изображение той действительности, когда была записана волшебная сказка. Некоторые стараются разглядеть в сказке отражение обычаев и обрядов, которые появились в сюжете волшебной сказки. Елеазар Моисеевич на этот счет думает, что волшебные сказки «непосредственно отражают классовую борьбу крестьянства против угнетателей в крепостническую, отчасти буржуазную, эпоху, а также классовое расслоение в деревне»⁶¹.

Второй слой, который изучался в книге «Герой волшебной сказки. Происхождение образа», более ранний, Мелетинский относит его к формированию жанра волшебной сказки. «Это – период разложения родового строя и начала возникновения классового общества»⁶². В сказке в этом слое показывается разложение патриархального строя.

Третьим, самым глубокий слоем волшебной сказки, является отражение примитивных обычаев, обрядов и т.д. Мелетинский считает, что они возникли на основе первобытного мифа.

Мелетинский в своей работе утверждает, что в сказке имеет глубокий социальный конфликт. Реалистичный момент имеется на начальном этапе сказки, где описывается обстановка, которая окружает персонажей. В итоге в волшебной сказке все разрешается при помощи высших сил, но Мелетинский считает, что они «воплощающими в конечном счете силы самого народного коллектива и незрелое еще, фантастическое выражение народных «чаяний и ожиданий», мечту о победе общественного строя, при котором осуществились бы принципы социального равенства и демократической справедливости»⁶³.

---

⁶¹ Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.-СПб., 2005. С. 218.

⁶² Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.-СПб., 2005. С. 219.

⁶³ Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.-СПб., 2005. С. 220.

В продолжении изучения фольклора Елеазар Моисеевич выпустил в свет в 1976 г. еще одну монографию «Поэтика мифа». Данная монография посвящена общим проблемам мифологии, анализу современных теорий мифа и критическому рассмотрению использования мифа в художественной литературе и литературоведении XX в. В этой книге для изучения фольклора он использует ритуально-мифологический подход в литературоведении. Данная монография в большинстве своем посвящена изучению мифа, что можно увидеть из названия, но большинство исследователей сказки считают, что она как раз получила свое начало из мифа. Также по своей сути работа является историографической, поскольку Мелетинский пишет о том, каким образом в разных школах, науках пытаются изучить миф. В данной Мелетинским было рассмотрено: «Соответственно в нашей последовательно будут рассмотрены наиболее значительные теории мифа (включая ритуально-мифологическое литературоведение и оригинальные концепции советских ученых в области поэтики мифа), классические формы мифа и некоторые особенности перехода от мифа к литературе и, наконец, поэтика мифологизирования в литературе XX в. в основном на материале романа»⁶⁴.

В этой книге Елеазар Моисеевич лишь вскользь говорит о сказке, то есть лишь как об отражении мифа. Он пишет о том, что сказка «вышла» из мифа, и в этом у него нет никаких сомнений: «Многочисленные тотемические мифы и особенно мифологические анекдоты о трикстерах широко отразились в сказках о животных. Мифологический генезис бросается в глаза в универсально распространенных сюжетах волшебной сказки о браке с чудесным «тотемным» существом, временно сбросившим звериную оболочку; чудесная жена (в более поздних вариантах – муж) дарит своему избраннику охотничью удачу и т. п., но покидает его вследствие нарушения брачных запретов, после чего герой ищет и находит жену в ее стране и вынужден там пройти ряд традиционных брачных

---

⁶⁴ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 2000. С. 11

испытаний»⁶⁵. Так что в данной монографии подхода для изучения волшебной сказки нет. В ней сделан акцент на изучение мифа.

В 1970 г. в журнале «Фольклор и этнография» издали статью Елезара Моисеевича «Миф и сказка». В данной статье он произвел сравнение сказки с мифом и выявил некоторые различия. Этот метод – диахронический анализ, т. е. при рассмотрении истории, становления сказки, процесса перехода от мифа к сказке.

В своей работе он выделяет 7 признаков различия между мифом и сказкой: негативная оценка):

«А: I – ритуальность – неритуальность, II – сакральность – несакральность, III – достоверность – недостоверность (или абсолютная достоверность – относительная, допускающая выдумку), IV – этнографически конкретный тип фантазии – условно поэтический;

Б: V – мифический герой – немифический, VI – мифическое (доисторическое) время действия – сказочное (внеисторическое), VII – наличие этиологизма – его отсутствие (или этиологизм субстанциональный – орнаментальный), VIII – коллективность (космичность) объекта изображения – его индивидуальность»⁶⁶.

Минимальным набором различий Мелетинский считает III, VII, VIII.

Работы Мелетинского в изучении сказки дают новое дыхание для изучения фольклора. В его работах в большинстве своей делается акцент на изучение мифа, но не смотря это его работы – это новый виток в изучение фольклора в отечественной фольклористике.

В своей статье «О собирании и сравнительном изучении восточнославянской сказки» Николай Владимирович Новиков говорит о том, что в дореволюционное время после издания сказок Афанасьева, появляется огромный интерес к собиранию сказок. Он показывает эволюцию и сравнение сказок, так и их собирания, и их изучения в России, Беларуси и Украине,

---

⁶⁵ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 2000. С. 262-263.

⁶⁶ Мелетинский Е. М. Миф и сказка // Фольклор и этнография. 1970. №1. С. 142.

производит сравнения в плане подробного изучения и где оно производилось подробнее: «среде (на Урале, Сибири, Карельской ССР и некоторых других местах). В собирательской практике советских сказковедов значительно резче, чему фольклористов дореволюционного времени, обозначилась линия на доскональное и углубленное изучение сказки в определенных границах ее бытования (край, область, район, отдельный населенный пункт) при «сплошной» или выборочной ее записи»⁶⁷. В данной работе в большинстве своем имеется историографическое изучение проблемы.

Следующая статья Новикова о восточнославянских сказках вышла в 1966 г. в ежегоднике Специфика фольклорных жанров: «О специфике образа восточнославянской сказки (Кашей Бессмертный)». Здесь он изучает отличительные черты Кашея Бессмертного в восточнославянских сказках. Приводя различные сказки и сюжеты в которых присутствует Кашей, он делает вывод о том, что в каждом отдельном варианте сказки с темой «Кашеева смерть в яйце» используются от одного до трех сюжетов (не считая основного), причем следует сказать, используются в большинстве случаев не полностью, как это имеет место при их самостоятельных обработках в отдельные сказки, а лишь частично. Как правило, вводимые сюжеты за очень небольшим исключением предшествуют основному ядру повествования – добыванию яйца – смерти Кашея – и нередко выступают в качестве довольно устойчивой завязки сказки (таковы, например, «Лягушка-царевна» и «Животные зятя»). Главным и единственным яблоком раздора между героем сказки и Кашеем является женщина. Острая борьба за ее обладание составляет основной драматический конфликт произведения»⁶⁸. В этой работе он делает сравнение в восточнославянских сказках образа Кашея, ищет в них общее. Это интересное исследование в плане изучения сказки. Работ, связанных с изучением Кашея не так много, а Николай Владимирович сделал обобщенную статью по Кашею.

---

⁶⁷ Новиков Н. В. О собирании и сравнительном изучении восточнославянской сказки // Русский фольклор. 1963. №7. С. 87.

⁶⁸ Новиков Н. В. О специфике образа восточнославянской сказки (Кашей Бессмертный) // Русский фольклор. 1966. Т.10. С. 153.

Еще одна статья Николая Владимировича вышла в сборнике Исторические связи в славянском фольклоре от журнала Русский фольклор: «Образы русской и болгарской волшебной-фантастической сказки». Как пишет Новиков: «Вопрос о взаимосвязи русской и болгарской сказки еще не затрагивался ни в нашей, ни в зарубежной науке»⁶⁹. На протяжении всей статьи он использует историко-сравнительный метод, он сравнивает болгарскую и русскую сказку. Как он сам говорил, что: «Настоящую статью следует рассматривать лишь как одну из начальных попыток разработки большой и сложной проблемы»⁷⁰.

Вклад Новикова в изучение сказки очень огромен поскольку он открыл целую проблему изучения сказки. Сравнение сказок различных восточнославянских народов, на мой взгляд является интересным подходом в изучении фольклора народа. Николай Владимирович начал более подробное и глубокое изучение образов в сказке, в дальнейшем эту волну подхватили и другие историки.

В 1986 г. вышла книга Кирилла Васильевича Чистова «Народные традиции и фольклор». Данная книга освещает проблемы, которые актуальны не только для фольклористики, но и для этнографии. Проблемы, которые затрагивает книга Кирилла Васильевича касается взаимоотношения этнографии и фольклористики, изучает то, какое место занимает фольклор в культуре этноса и др.

Данная книга представляет собой серию очерков. Они возникли как обобщение выводов, которые говорил автор в других работах, которые связаны с этой темой. Но целью автора в данной работе было непосредственно проблемы, которые связаны с сближением этнографии и фольклористики.

Первые четыре очерка представляют собой ознакомление современной теорией этноса, которая разработанная в этнографии, и которая почти не знакома фольклористам, Чистов ставит: «вопросы: место и функции фольклора в системе духовной культуры этноса, «вторичные» формы культуры и их роль в развитии

---

⁶⁹ Новиков Н. В. Образы русской и болгарской волшебной-фантастической сказки // Русский фольклор. 1968. Т. 11. С. 140.

⁷⁰ Новиков Н. В. Образы русской и болгарской волшебной-фантастической сказки // Русский фольклор. 1968. Т. 11. С. 140.

современных этнических традиций и, наконец, некоторые проблемы славянской фольклористики в этническом аспекте»⁷¹.

В следующей части книги, в очерках делается акцент на проблему традиции, ее природы и механизма общей культуре. Чистов выделяет: «два основных свойства традиционной культуры – стабильность и вариативность»⁷².

Третья часть книги рассматривает проблему: «на фоне этнокультурных взаимоотношений различных народов как проблема повторяемости сходных (подобных) фольклорных явлений в разных этнических средах»⁷³.

Итогом работы Кирилла Васильевича историографический очерк, который подводит итог развитию проблемы общей теории фольклористики и этнографии в последнее десятилетие.

Современная историография. Сегодня у нас нет возможности собирать русские народные сказки. Полевые исследования волшебной сказки ограничены. Но на данный момент существуют этнографические экспедиции, которые собирают более поздние проявления сказки. Теоретические исследования волшебной сказки продолжаются и на сегодняшний день. В свет выходят работы, которые связаны с новыми подходами и методами в изучении сказки.

Такой является книга Адоньевой Светланы Борисовны «Сказочный текст и традиционная культура», которая вышла в 2000 г. В своей работе Светлана Борисовна пытается изучить сказку, как художественную литературу. Для этого она использует культурно-психологический подход.

В своей работе Адоньева формулирует следующие задачи: «1. Определение общекультурного «слоя» в тексте волшебной сказки, культурно-психологических ее основ, связанных с особенностями традиционного быта и сознания. Иными словами, определение той реальности, с которой соотносима реальность волшебной сказки. 2. Выявление, насколько это возможно на основании избранных для сравнения категорий, специфических черт волшебной

---

⁷¹ Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Л., 1986. С.11

⁷² Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Л., 1986. С.12

⁷³ Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Л., 1986. С.12

сказки по отношению к другим фольклорным жанрам и общей для всех жанров «культурной» действительности или «картине мира»⁷⁴.

В первой главе своей работы «Причинность в волшебной сказке», Светлана Борисовна проводит анализ причинно-следственных отношений в «картине мира» созданных в волшебной сказке. На основе четырех примеров (разборов текстов) Светлана Борисовна делает вывод: «специфика причинно-следственных отношений в волшебной сказке определена диалогичностью – закономерностью, свойственной традиционной «картине мира». При восприятии сказочного текста носителями культуры она не семантизировалась, не воспринималась как «новая информация», поскольку входила в систему общего для всех членов коллектива культурного знания»⁷⁵.

Что касается следующей главы книги «Пространство и время в волшебной сказке», то Адоньева говорит, что: «В волшебной сказке, как уже говорилось, отразились перцептуальные пространство и время, то есть время и пространство, данные нам через субъективное, социально-психологически и исторически обусловленное восприятие»⁷⁶.

В третьей главе своей работы Светлана Борисовна рассматривает фольклорный знак в контексте волшебной сказки. Анализируя значения фольклорного знака, Светлана Борисовна выводит на свет план содержания волшебной сказки – семантическая связанность отдельных элементов текста, который вывел В. Н. Топоров.

Следует сказать, что Светлана Борисовна в своей работе сразу указала тот факт, что данная работа не сможет полностью ответить на все вопросы, которые ставит данное исследование. И все выводы, «сделанные на его основе, ни в какой мере не носят характер окончательных»⁷⁷.

Кирилл Васильевич Чистов в 2005 г. выпустил в свет книгу «Фольклор. Текст. Традиция.» Данная книга представляет собой статьи, которые были

---

⁷⁴ Адоньева С.Б. Сказочный текст и традиционная культура. СПб., 2000. С. 18-19.

⁷⁵ Адоньева С.Б. Сказочный текст и традиционная культура. СПб., 2000. С 51-52.

⁷⁶ Адоньева С.Б. Сказочный текст и традиционная культура. СПб., 2000. С. 80.

⁷⁷ Адоньева С.Б. Сказочный текст и традиционная культура. СПб., 2000. С. 146.

написаны Кириллом Васильевичем в разное время и на разные темы. Данные статьи собраны в один сборник поскольку их объединяет позиция автора, которая заключается в том, что он предлагает искать специфику фольклора в социально-бытовой сфере. Данный подход позволил Чистову посмотреть с новой точки зрения на взаимодействие фольклористики с филологией и этнографией.

В 2008 г. в России вышел коллективный труд Беловой Ольги Владиславовны и Петрухина Владимира Яковлевича «Фольклор и книжность: миф и исторические реалии». Данная коллективная монография посвящена проблеме, которая связана непосредственно «с взаимодействием и взаимовлиянием фольклорной и книжной традиций, с рецепцией книжных сюжетов в народной культуре, с сохранением архаического наследия в рамках христианской культурной парадигмы, с адаптацией инокультурных элементов в «своей» повествовательной традиции, с формированием «фольклорной» концепции истории – от сотворения мира до наших дней»⁷⁸.

Данная монография является комплексным исследованием славянских фольклорных описаний, которые связаны с исторической тематикой. В ней отражена попытка авторов показать: «какие богатые возможности семантической перекодировки заложены в фольклорной повествовательной традиции, в полной мере использующей принципы художественной трансформации исторических, мифологических, книжно-литературных и этнографических фактов»⁷⁹. Монография делится на четыре части.

Еще одним современным автором, который заинтересовался изучением сказки является Краюшкина Татьяна Владимировна. В 2009 г. свет вышла монография «Мотивы тела и телесных состояний человека в русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока». Данное исследование удивительно тем, что оно первое в отечественной науке рассмотрено мотивы тела и телесных состояний человека, которое основано на материале русских

---

⁷⁸ Белова О.В., Петрухин В.Я. Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М., 2008. С. 3

⁷⁹ Белова О.В., Петрухин В.Я. Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М., 2008. С. 5

народных волшебных сказок Сибири и Дальнего Востока. В своей работе Татьяна Владимировна использует историко-генетический метод. Данный метод позволил Краюшкиной подробно изучить мотивы тела и телесных состояний человека в волшебных сказках, сделав вывод о том, что: «Сказка как норму дает человеческий облик: персонажи его лишаются и стремятся самостоятельно восстановить или же им помогают это сделать другие. Согласно логике сказки, человеческое тело легко трансформируется: персонаж принимает облик животного, птицы, рептилии, насекомого. Сказка отмечает, что изменение облика не влияет на сущность персонажа: смена облика не приводит и к изменению сознания: человек остается по своей сущности человеком, лишь внешне становится зверем. Человеческое тело с легкостью становится неодушевленным предметом и возвращается к первоначальному облику. Сказка отражает интересную закономерность: целое и часть целого равны (это видно из того, что персонаж, оборачиваясь, рассыпается многими зернами, а потом из одного зерна снова становится человеком)»⁸⁰.

Еще одна работа Краюшкиной Татьяны Владимировны, которая касается волшебной сказки вышла в 2011 г. «Физиология и психология персонажей русских народных волшебных сказок» является первым исследованием в российской фольклористике, в которой Татьяна Владимировна рассмотрела физиологию и психологию персонажей. В данной работе было два основополагающих принципа, которые дали ей возможность вычленить представления о человеке. Первый – «интегрированный подход, выраженный в соединении данных различных гуманитарных наук, он способствует более полному анализу физиологии и психологии персонажей. Другой принцип – использование специальной методики анализа, одним из принципов которой является описание контекста: мотивы представлены в их окружении»⁸¹.

---

⁸⁰ Краюшкина Т.В. Мотивы тела и телесных состояний человека в русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока. Владивосток, 2009. С. 299.

⁸¹ Краюшкина Т.В. Физиология и психология персонажей русских народных волшебных сказок. Владивосток, 2011. С.5.

Проведя данное исследование, Татьяна Владимировна подтвердила то, что физиология и психология представленная в волшебной сказке имеет существующее отражение, которое сложилось в традиционной культуре русского народа. Краюшкина говорит: «Сказка реалистично отражает ощущения, физиологию и эмоции персонажа, калькируя их из реальности. Важной оказывается и частотность возникновения того или иного состояния у разных типов персонажей. В сказке выявлена закономерность принадлежности тех или иных мотивов физиологии и психологии, связанная с полом персонажей, возрастом или типом образа»⁸².

На основании данных работ можно сделать вывод о том, что в современных гуманитарных науках, наблюдается подъем интереса к изучению волшебной сказки. Исследователи не оставляют попыток создания новых методов изучения или же использования старых методов в новом ключе. Продолжаются полевые работы, связанные с записью сказок.

В 2015 г. во Владикавказе вышла монография Бесоловой Елены Бутусовны «Язык фольклора: специфика мышления и концептуализация символов: монография».

Данная монография посвящена языку фольклора как метасистеме. Работа пишется на основе устно-поэтического творчества народов Кавказа. Елена Бутусовна поставила перед собой задачу: «выявить формы отражения языческой символики предметов, культовых действий, обрядов в языке фольклора, его специфику в контексте национальной ментальности; реконструировать традиционную концептуальную картину мира, репрезентируемую фольклором»⁸³.

Изучение фольклора всегда было интересно в разных гуманитарных науках. В своей работе она использует семиотический (знаковый) подход. Используя его, она пришла к выводу о том, что: «фольклору присущи обрядово-

---

⁸² Краюшкина Т.В. Физиология и психология персонажей русских народных волшебных сказок. Владивосток, 2011. С. 213.

⁸³Е.Б. Бесолова Язык фольклора: специфика мышления и концептуализация символов. Владикавказ, 2015. С. 3.

этнографическая, синкретическая, нравственная, воспитательная и эстетическая функции».⁸⁴ Источники, которые она использовала в своей работе, свидетельствуют о том, что «фольклор являлся приложением к определённым бытовым явлениям, его произведения исполнялись в похоронно-поминальной и свадебной обрядности, в дни празднеств и культовых ритуалов, в семейной обрядности, во время календарно-обрядовых праздников и др.»⁸⁵.

Елена Бутусовна пишет о том, что язык фольклора насыщен огромным количеством фактов, которые принадлежат различным уровням языковой системы. Данные факты не встречаются в бытовой речи. Ее исследование показало, что в языке фольклора своя система. Происходит потеря связи с реальностью, в связи с этим значения слов, теряют определенность.

В конце своей работы Белосова приходит к выводу, что: «настала пора свести воедино совокупное богатство устно-поэтического творчества народов Кавказа – «воспитателя народного духа и народного миропонимания, выразителя сознания и быта трудовых горцев», что даст многое для выявления генетической основы и уяснения общих закономерностей развития фольклорного наследия кавказских народов, над чем мы и работаем»⁸⁶.

Зарубежная историография. Зарубежные исследователи также интересуются проблемой сказки. В основном работы связаны с сказками их стран. В данном параграфе я бы хотела обратить внимание на тот факт, что даже зарубежные исследователи фольклора интересовали русской волшебной сказкой. Первым зарубежным исследователем, который затронул вопрос, связанный с русской волшебной сказкой был Джеймс Фрэйзер.

Первое издание «Золотой ветви» вышло в 1890-м году в Лондоне, оно состояло из двух томов. 1906-1915 гг. издание книги состояло уже из 12 томов. В последующие годы Фрэйзер сделал сокращенный вариант своей книги, для ее большей доступности. В России «Золотая ветвь» впервые появилась в 1928 г.

---

⁸⁴Е.Б. Бесолова Язык фольклора: специфика мышления и концептуализация символов. Владикавказ, 2015. С. 150.

⁸⁵Е.Б. Бесолова Язык фольклора: специфика мышления и концептуализация символов. Владикавказ, 2015. С. 150.

⁸⁶Е.Б. Бесолова Язык фольклора: специфика мышления и концептуализация символов. Владикавказ, 2015. С. 153.

«Однако он был выполнен с французского издания, и поэтому не давал полного представления о языке и стиле автора. Нынешний перевод, осуществленный М. К. Рыклиным, сделан с последнего лондонского издания 1923 г. Это созданный самим Джеймсом Фрэзером сокращенный вариант полного издания «Золотой ветви» (1911–1915 гг.), мало популярного в силу своей громоздкости. Большинство ученых предпочитало и предпочитает использовать именно этот вариант»⁸⁷.

Джеймс Фрэзер в своей работе собрал большое количество фактического материала, который позволил ему, используя сравнительно-исторический метод раскрыть связь, которая связывает современную религию с первобытными верованиями.

Книга Фрэзера начинается с обычая, который регулирует должность жреца Дианы Арицийской при ее храме у озера Неми. Суть данного обряда заключается в том, что претендент на эту должность должен убить в поединке своего предшественника, до этого сорвать «золотую ветвь» со священного дуба. 12-томное издание содержит в себе огромный список литературы, который дает нам полное представление о том, какими средствами пользовался Фрэзер для написания своего труда. В своей работе он обратил внимание на информационный потенциал волшебной сказки. В «Золотой ветви» Фрэзер пишет о том, что славянской сказке есть отражение того, что первобытные люди верили, что душа может на некоторое время отлучиться из тела. Примером оказался Кощей Бессмертный и его смерть в яйце.⁸⁸

Стоит сделать акцент также на то, что Фрэзер был одним из самых свободомыслящих ученых, свою работу он писал, «жил и работал в викторианской Англии, и хотя вся его деятельность по существу была не только глубоко антиклерикальна, но и антирелигиозна, он тем не менее не мог выступать с открыт атеистических позиций, и вынужден был свои разоблачения

---

⁸⁷ Арутюнов С.А. Дж. Дж. Фрэзер. Золотая ветвь. Исследование магии и религии // Советская этнография. 1982. №2. С. 139.

⁸⁸ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980. С. 626-627.

«святых» ценностей религии облекать в двусмысленную, туманную фразеологию, предоставляя самому читателю, разобраться, какая из двух или даже нескольких альтернатив истинна, а какая ложна»⁸⁹.

В своей работе Фрэзер показывает на конкретных простых фактах, что религия, ее традиция, в большинстве своем подталкивает людей на плохие поступки. В своей книге он достаточно ярко показывает то, к чему прибегают люди в силу традиции: религиозные запреты табу, умерщвления, истязания.

Джеймс Джордж Фрэзер был одним из главных представителей классического эволюционизма. Его работа, не смотря на критику и негативные оценки, все равно представляет собой огромную кладезь фактического материала, который собирал Фрэзер почти всю свою жизнь.

В 1974 г. вышла книга румынского ученого Николае Рошияну, под названием «Традиционные формулы сказки». Данная книга посвящена систематике и анализу традиционных формул сказки. В своей работе он делит сказочные формулы на три группы: медиальные, инициативные и финальные. Анализ формул он проводит в большинстве своем на материале румынских сказок, также славянских и некоторых восточных сказок. Данная работа строит на сравнительном анализе структуры и функций традиционных формул сказок.

В результате своей работе он делает Николае Рошияну вывод о том, что румынская сказка имеет большое количество сходных, иногда одинаковых явлений. Данный факт подтверждает то, что некоторые структурные элементы, которые были выявлены в формулах сказки – универсальны⁹⁰.

В 1980 г. появилась статья «Один разрушенный вариант сказки и его связь с древней традицией». Данная статья написана фольклористом Брониславой Кербелите и математиком А. Валужисом. В данной статье они показывают наработки метода. Текст делится на элементарные сюжеты (ЭС) и части

---

⁸⁹ Арутюнов С.А. Дж. Дж. Фрэзер. Золотая ветвь. Исследование магии и религии // Советская этнография. 1982. №2. С. 140.

⁹⁰ Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. М., 1974. С. 170.

элементарного сюжета, дальше с идет описание структуры текста через элементарные сюжеты, на этой основе происходит поиск родственных текстов.

В данной статье они делают Кербелите и Валужис делают вывод: «Проведенный нами анализ структуры нескольких тестов показал, что архаичные ЭС не всегда выражают архаичный смысл. С другой стороны, ядро древнего произведения внешне может выглядеть вовсе не архаично. Таким образом, суждения о древности или новизне произведения следует обосновывать не наличием или отсутствием архаичных мотивов, а изучением их положения в тексте – являются ли они ядром повествования или привнесениями».⁹¹

В 1981 г. Кербелите написала еще одну статью «О причинах сюжетного сходства некоторых литовских и восточнославянских сказок», которая непосредственно связана с ее методов элементарных сюжетов (ЭС). На основе своего метода она проанализировала некоторое количество сказок и сделала вывод о том, что: «Полное совпадение у разных народов структуры и смысла сказок, развитие которых не совсем закономерно, дает некоторые основания полагать, что сходство определено преимущественно творческими контактами этих народов»⁹².

С появления «Морфологии волшебной сказки» Владимира Яковлевича Проппа, фольклористы, историки, этнографы проделали большую работу, связанную с изучением сказки. Появились новые методы изучения, начали сравнения сказок разных народов друг с другом, поиск их точек соприкосновения.

Проведя анализ работ, которые были написаны на протяжении XIX–XXI вв., первый вывод, который я сделала для себя, это то, что интерес к фольклору, в том числе и к сказкам не утихает. За все это время появилось огромное количество работ, которые затрагивают различные проблемы, связанные с волшебной сказкой. Разработано достаточно много методов и походов для

---

⁹¹ Кербелите Б. Валужис А. Один разрушенный вариант сказки и его связь с древней традицией // Балто-славянские этноязыковые контакты. 1980. С. 270

⁹² Кербелите Б. О причинах сюжетного сходства некоторых литовских и восточнославянских сказок // Балто-славянские этноязыковые контакты. 1981. С.251.

изучения волшебной сказки. Анализируя, данные работы, можно проследить эволюцию изучения волшебной сказки от традиционного метода Владимира Яковлевича Проппа до инновационных методов современных исследователей.

2. Характеристика волшебной сказки как исторического источника

2.1. Содержание термина «сказка»

Сказки – это замечательное творение искусства. Мы неразлучны со сказками с самого детства. Все персонажи сказок с детства привлекают нас социальной остротой, выдумкой, чудесами, мудростью. В сказках всегда, как неизменное правило, закон осуждаются такие действия, как коварство, насилие, злые умыслы. Сказка помогает нам в жизни укрепиться в базовых понятиях, как жить, как относиться к чужим поступкам, учат нас основам морали, показывают нам, какое добро и, рассказывают, что такое зло. Читая сказку, человек, видя фантастический мир в сказке, утверждает в светлом, ярком принятии жизни, преследуя зло и преодолевая жизненные препятствия.

На протяжении всего изучения сказки, ученые по-разному ее толковали. Одни стремились дать характеристику вымыслу сказки, как независимый от реальности, другие же желали раскрыть и понять, как фантастическая часть сказки преломила отношение рассказчиков к окружающему миру. И вообще можно ли считать сказкой любой фантастический рассказ или вовсе выделять в устном народном творчестве и другие виды. Как понимать в сказке вымысел, ведь без него не обходится не одна из сказок? Вот такие проблемы перед собой ставили ученые, которые касались изучения сказок.

Сказка – рассказ, выполняющий на ранних стадиях развития в доклассовом обществе производственные и религиозные функции. Представляющий один из видов мифа; на поздних стадиях бытующий как жанр устной художественной литературы, имеющий в содержание необычные в бытовом смысле события отличающийся специальным композиционно-стилистическим построением. В динамике развития общественных форм и общественного сознания изменяется и понятие «Сказка». В словаре В. И. Даля сказка определяется как «вымышленный рассказ, небывалая и даже несбыточная повесть, сказание».

Афанасьев сделал следующий вывод: «Нет, сказка не пустая складка, в ней, как и вообще во всех созданиях целого народа, не могло быть и в самом деле нет ни нарочно сочиненной лжи, ни намеренного уклонения от действительного мира»⁹³. Я полностью согласна с Афанасьевым, он был прав, хотя и исходил из мифологического понимания сказки.

А. И. Никифоров писал о сказке: «Сказки (нем. *marchen*, англ. *tale*, франц. *conte*, итал. *fiaba*, серб.-хорв. *prigovijetka*, болг. *приказка*, чешск. *pořadka*, польск. *bajka*, белор. и укр. *казка*, *байка*, у русских до XVII в. *баснь*, *байка*) – это устные рассказы, бытующие в народе с целью развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся специальными композиционно-стилистическим построением»⁹⁴.

Алексей Васильевич Ветухов пишет, что: «Сказка – эпическое изображение пережитого мирозерцания народного, его верований, его своеобразных научных теорий строения мира, ставших величинами «мнимыми», ненаучными, «мифическими» ... Первоначальное содержание изжито, но форма готова – для наполнения новым. И сказка становится формой для выяснения определенных бытовых сторон жизни, уклада семьи, создания устоев нравственности»⁹⁵.

Владимир Яковлевич Пропп в работе «Русская сказка» очень подробно разбирает понятия сказки. «Сказка, народная сказка есть повествовательный фольклорный жанр. Он характеризуется своей формой бытования. Это рассказ, передаваемый из поколения в поколение только путём устной передачи. Этим бытование народной сказки отличается от бытования искусственной, или литературной сказки, которая передается путём письма и чтения и не меняется. Литературная сказка, как и другие литературные произведения, может попасть в орбиту народного обращения, начать курсировать, давать варианты,

---

⁹³ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Лит. памятники. М., 1984–1985. Т. 1 С. 123

⁹⁴ Никифоров А. И. Сказка и сказочник М., 2008. С.7

⁹⁵ Ветухов А. В. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова. (Из истории мысли). Варшава, 1907. С. 12

передаваться из уст в уста, и в таком случае она подлежит изучению фольклориста. Таков первый признак народной сказки, ещё не специфический для неё, но такой, который необходимо выделить и подчеркнуть. Сказка характеризуется как рассказ, т.е. она принадлежит к повествовательным жанрам. Этот признак также ещё не является решающим, так как имеются и другие повествовательные жанры (былина, баллада), которые не относятся к сказкам. Как уже указывалось, само слово «сказка» обозначает нечто рассказываемое. Это значит, что народ воспринимает сказку как повествовательный жанр по преимуществу»⁹⁶.

Померанцева Эрна Васильевна в работе «Русская народная сказка» говорит о том, что в гуманитарных науках нет полного понятия народной сказки. «Словом «сказка» мы называем и нравоучительные рассказы о животных, и полные чудес волшебные сказки, и замысловатые авантурные повести, и сатирические анекдоты»⁹⁷. В «Русской народной сказке» Эрна Васильевна предлагает свое определение народной сказки: «Народная сказка (казка, байка, побасенка) – эпическое устное художественное произведение, преимущественно прозаическое, волшебное, авантурного или бытового характера с установкой на вымысел. Последний признак отличает сказку от других жанров устной прозы: сказа, предания и былички, т.е. от рассказов, преподносимых рассказчиком слушателям как повествование о действительно имевших место событиях, как бы маловероятны и фантастичны»⁹⁸.

Сказка, ее образы, сюжеты, поэтика – это исторически сложившееся явление фольклора со всеми чертами, присущими массовому коллективному народному творчеству. Главной проблемой происхождения сказочного вымысла в волшебных сказках – это установление связи между обрядом и вымыслом. Это значит многое объяснить в происхождении фантастики сказки, но это не значит, что вся суть ее природы понята.

---

⁹⁶ Пропп В.Я. Русская сказка. М., 2000. С. 24-25

⁹⁷ Померанцева Э.В. Русская народная сказка. М., 1963. С. 45.

⁹⁸ Померанцева Э.В. Русская народная сказка. М., 1963. С. 98.

2.2. Происхождение волшебной сказки

Проблема, связанная с происхождением сказки довольно сложна. Можно сказать, что она очень тесно связана с историей традиций и обычаев наших предков.

Если начать рассуждать как первобытный человек, то можно понять, что он был убежден в том, что его везде подстерегала беда, он повсюду сталкивается с враждебной средой. Из-за это люди хотели, как-то уберечь себя от неудач, болезней, несчастий, поэтому они выработали в свой жизни сложнейшие системы запретов или табу. При нарушении данных запретов на человека, по мнению первобытных людей накладывались последствия, они лишались защиты. Эти представления людей и породили рассказы о том, что, если человек нарушает какое-либо табу, он попадает под власть сил зла. Волшебные сказки очень хорошо передают ощущение опасности, которой подвергается человек.

На ранних стадиях культуры сказка, сага и миф встречаются нерасчлененными и носили первоначально, вероятно, производственную функцию: охотник жестом и словом приманивал вспугнутого зверя. Позднее вводится пантомима со словом и пением. Следы этих элементов сохранила сказка поздних стадий развития в виде драматического исполнения, напевных элементов текста и широких пластов диалога, которого в сказке тем больше, чем она примитивнее.

На более поздней стадии скотоводческой экономики, дородовой и ранеродовой социальной организации и анимистического мировоззрения сказка получает часто функцию магического обряда для воздействия уже не на зверя, а на души и духов. Сказки обязаны или привлекать и развлекать, или они употребляются как заклинания, или сказка прямо входит в религиозные обряды. Например, знаменитый мотив магического бегства разыгрывается чукчами в их похоронном обряде. Даже русская сказка входила в свадебный обряд. Благодаря этому культовому значению сказка у многих народов существует регламентация сказываний сказок: их нельзя говорить днем или летом, а только ночью после

захода солнца и зимой. Разумеется, что такие сказки, полигенетичны, и лишь на более поздней стадии общественного развития из них выделяется собственно сказка, как жанр фольклора.

Каким образом все-таки появилась сказка? Александр Николаевич Афанасьев считает, что в народной русской сказке сохранилась первичная информация доисторического периода. Александр Николаевич думал, что русские народные сказки рассказывают в своем содержании о доисторическом быте славянских племен. Работая со сказкой, Афанасьев сделал вывод о том, что сказка, в которой нашли отражение мотивы богатырских повестей, это ни что иное как отражение борьбы христианского и языческого верований. Продолжая анализ сказки, Александр Николаевич пишет, что в дальнейшем сказка начала обновляется, но несмотря на это из нее все еще идет информация, которая отражает дохристианский период. Афанасьев считает, что сказка является осколком сказов, поверий и обрядов, и несомненная заслуга сказки в том, что она смогла донести до нас эти осколки⁹⁹.

Как я уже говорила, Владимир Яковлевич Пропп первый фольклорист, который посвятил работу происхождению волшебной сказки. Проведя анализ мотивов в своей работе, он сделал вывод о том, что многие из них восходят к обряду посвящения. Также в волшебной сказке имеет отражение представлений о загробном мире и путешествиях в потусторонний мир. Мотивы, которые относятся: «К комплексу посвящения восходят следующие мотивы: увод или изгнание детей в лес или похищение их лесным духом, избушка, запродажа, избиение героев ягой, обрубание пальца, показывание оставшимся мнимых знаков смерти, печь яги, разрубание и оживление, проглатывание и извергание, получение волшебного средства или волшебного помощника, травестизм, лесной учитель и хитрая наука. Последующий период до вступления в брак и момент возвращения отражены в мотивах большого дома, накрытого стола в нем, охотников, разбойников, сестрички, красавицы в гробу, красавицы в чудесном

---

⁹⁹ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Лит. памятники. М., 1984—1985. Т. 1 С. 12.

саду и дворце (Психея), в мотивах неумытой, мужа на свадьбе жены, жены на свадьбе мужа, запретного чулана и некоторых других»¹⁰⁰. Их этого Пропп делает вывод, что «цикл инициации – древнейшая основа сказки»¹⁰¹.

Мотивы, относящиеся к комплексу представлений о смерти: «похищение девушек змеями, разновидности чудесного рождения, как возвращение умершего, отправка в путь с железной обувью и пр., лес как вход в иное царство, запах героя, окропление дверей избышки, угощение у яги, фигура перевозчика-путеводителя, далекий путь на орле, коне, лодке и т. д., бой с охранителем входа, стремящимся съесть пришельца, взвешивание на весах, прибытие в иное царство и все аксессуары его»¹⁰². Владимир Яковлевич пишет, что, если сложить два эти комплекса появляются почти все основы для слагания сказки. «Если представить себе все то, что происходило с посвящаемым, и рассказать это последовательно, то получится та композиция, на которой строится волшебная сказка. Если рассказать последовательно все то, что, как полагали, происходит с умершим, то получится опять тот же стержень, но с прибавлением тех элементов, которых не хватает на линия указанных обрядов. Оба эти цикла вместе дают уже почти все основные конструктивные элементы сказки»¹⁰³.

В выводе своей работы Владимир Яковлевич пишет, «что композиционное единство сказки кроется не в каких-нибудь особенностях человеческой психики, не в особенности художественного творчества, оно кроется в исторической реальности прошлого»¹⁰⁴.

Эрна Васильевна Померанцева при изучении русской народной сказки сделала вывод, что: «Исторические корни русской сказки теряются в древности, каждый исторический этап жизни русского народа отражается в сказке, вносит в неё закономерные изменения. Установить точно, когда именно русская сказка определилась как жанр, когда именно начала жить как сказка, а не как верование или предание – невозможно. В русской сказке сохранились глухие, но всё же

---

¹⁰⁰ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 317.

¹⁰¹ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 317.

¹⁰² Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 317.

¹⁰³ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 318.

¹⁰⁴ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 318.

явные отзвуки далеких стадий общественного развития. Несомненно то, что многие сказки о животных, так же, как и многие волшебные сказки, бытующие в народном репертуаре вплоть до сегодняшнего дня, восходят генетически к доклассовому обществу. Однако функционально эти древние элементы в сказке настолько изменились, сохранились лишь в такой общей форме, что можно говорить лишь о наличии в русских сказках эпохи первобытных представлений, но не судить по ним о первоначальном этапе существования сказки. Первые упоминания о русской народной сказке относятся к Киевской Руси, однако, повторяю, истоки её теряются в незапамятных временах»¹⁰⁵.

В работе «Поэтика мифа» Елеазар Моисеевич, также выразил интерес к происхождению сказки. Он считает, что: «сказочная семантика может быть интерпретирована только исходя из мифологических истоков. Это та же мифологическая семантика, но с гегемонией «социального» кода; в частности, важнейшая оппозиция высокий/низкий имеет в сказке не космический, а социальный смысл»¹⁰⁶. Для него, то что сказка произошла от мифа не вызывает никакого сомнения, поскольку: «Многочисленные тотемические мифы и особенно мифологические о животных. Мифологический генезис бросается в глаза в универсально распространенных сюжетах волшебной сказки о браке с чудесным «тотемным» существом, временно сбросившим звериную оболочку; чудесная жена (в более поздних вариантах – муж) дарит своему избраннику охотничью удачу и т. п., но покидает его вследствие нарушения брачных запретов, после чего герой ищет и находит жену в ее стране и вынужден там пройти ряд традиционных брачных испытаний (ср. сюжеты №№ 400, 425 и некоторые другие, по системе Аарне-г-Томпсона). Подобные сюжеты характерны для некоторых пережиточно-тотемических мифов о происхождении родов и племен. анекдоты о трикстерах широко отразились в сказках»¹⁰⁷.

---

¹⁰⁵ Померанцева Э.В. Русская народная сказка М., 1963. С. 25.

¹⁰⁶ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 2000. С. 262.

¹⁰⁷ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 2000. С. 262-263.

Рассмотрев проблему происхождения волшебной сказки, я пришла к выводу о том, что, не смотря на большое количество исследований связанных с волшебной сказкой, полного ответа на данный вопрос не дал не один исследователь. Также стоит отметить тот факт, что существует разные точки зрения происхождения сказки, то есть не существует единого мнения по данной проблеме. Но несмотря на это стоит указать тот факт, что все точки зрения о происхождении сказки относятся к периоду традиционного общества – дописьменной культуры, первобытности.

2.3. Структура волшебной сказки

В начале стоит отметить тот факт, что волшебная сказка в отличие от других типов сказок имеет в своей основе сложную композицию. При этом композиция волшебной сказки и ее сюжет вполне четкие. Фундамент сюжета волшебной сказки – это рассказ о потере, о том, как главный герой преодолевает эту потерю и какие волшебные помощники, и средства при этом ему помогают.

Хочется в первую очередь обратить внимание на композицию волшебной сказки. Проведя анализ работ исследователей, которые занимались этим вопросом, я сделала вывод о таких составляющих композиции волшебной сказки:

1. присказка.
2. зачин;
3. завязка;
4. развитие сюжета;
5. кульминация;
6. развязка;
7. концовка.

Стандартно волшебная сказка начинается с присказки. Цель присказки – это перенос слушателей в мир волшебной сказки. Но стоит указать, что присказка не всегда присутствует в волшебной сказке.

Отличить волшебную сказку от других типов не так уж и легко, главным критерием попытались определить то, что главным героем является человек, а не животное. Но этим критерием оказалось пользоваться сложно поскольку не определена специфика волшебной сказки. Иногда к волшебным сказкам относят произведения других жанров, такие как сказки-легенды, которые выделяют Ю. М. Соколов и В. И. Чичеров. Иногда же в волшебные сказки не включают рассказы, которые являются данной разновидностью. Все это связано с тем, что в основном за критерий классификации берется только то, что присутствует ли вымысел в сказке или нет. Но к сожалению, сказки нельзя определить к какой-то определенной классификации только лишь по одному признаку.

Наверное, главной особенностью, которая отличает волшебную сказку от социально-бытовой и сказках о животных, это то, что в волшебной сказке более развитый сюжет. Персонаж волшебной сказки по сюжету подвергается двум испытаниям, первое испытание, за которое он получает дар, второе испытание, оно основное – это победа над змеем, Кощеем или другим противником, либо бегство, еще может быть использование магических предметов. Обычно герой престаает перед нами либо царевичем с благородными корнями, с выдающейся физической силой, либо низкий, «дурак». Но не важной какой у нас герой в сказке, он все равно добьется своей цели. Счастливый конец в волшебных сказках выражает веру в добро и справедливость, веру в то, что любой человек достоин счастья и может его получить. Все сюжеты волшебных сказок построены на цепочке удивительных чудес. И из-за этого вопрос о фантастике в волшебных сказках остается открытым. Это требует разбора характера, происхождения и отношения к мифу данной фантастики. Характер фантастики в этих сказках довольно непросто, по сути он не всегда может определиться точно. В данном случае говорят о вымысле, но вымысел существует во всех жанрах фольклора. Н. В. Новиков говорит о том, что вымысел в волшебных сказках носит фантастический характер поэтому он предложил называть данную квалификацию сказок волшебно-фантастическими. Он говорит о том, что: «Этот термин, несмотря на свою условность, раскрывает два начала в сказке –

волшебное и фантастическое, на которых собственно и покоится ее поэтический вымысел. Начало волшебное включает так называемые пережиточные моменты, и прежде всего религиозно-мифологические воззрения первобытного человека, одухотворение им вещей и явлений природы, приписывание этим вещам и явлениям магических свойств, различные религиозные культы, обычаи, обряды и т. п. Сказка полна мотивов, содержащих в себе веру в существование «потустороннего мира» и возможность возвращения оттуда; представление о смерти, заключенной в какой-либо материальный предмет (яйцо, ящик, цветок), о чудесном рождении (от съеденной рыбы, выпитой воды и т. п.), о превращении людей в животных, птиц, рыб, насекомых, о возможности браков девушек с животными и т. д. Фантастическое же начало сказки вырастает на стихийно-материалистической основе, замечательно верно улавливает закономерности развития объективной действительности. Это то, что М. Горький называл «поучительной выдумкой» – изумительной способностью «человеческой мысли заглядывать вперед факта»¹⁰⁸.

Если говорить о том, откуда появилась фантастика в волшебных сказках, то здесь можно сказать о том, что это уходит своими корнями в мечту людей иметь преобладание у природы. Сейчас в русской науке очень часто употребляется такой термин как «сказки мифологические». Этот термин берет свой исток у работ ученых первой половины XIX в. Таким ученым был И. П. Сахаров. Далее за ним начали называть волшебные сказки мифологическими: О. Ф. Миллер, исследователь П. А. Бессонов и другие.

Стоит разобраться в том, что же такого мифологического есть в волшебных сказках? Начать стоит с того, что там прежде всего преобладают чудеса, которые происходят в сказке по воле различных сил, людей, какого-либо животного или предмета, чудесного атрибута. пунктом, на мой взгляд, должно быть то, что фантастические персонажи такие как: Кощей, Змей и другие, являются проявлением сил природы, например, в образе Бабы-Яги можно рассмотреть, то

---

¹⁰⁸ Новиков Н. В. К художественной специфике восточнославянской волшебной сказки (начальные и заключительные формулы). М., 1979. С. 20.

она тем или иным образом связана с миром мертвых. Следующий чертой является антропоморфизм (то есть наделение животных различными человеческими качествами). Но если посмотреть на все эти пункты, то они будут всего лишь представлением, о том, как «формирование классической формы волшебной сказки завершилось далеко за историческими пределами первобытнообщинного строя, в обществе, гораздо более развитом», – пишет Е. М. Мелетинский в статье «Миф и сказка»¹⁰⁹.

Еще одним спорным вопросом связанным с мифологическим появлением волшебной сказки. Е. М. Мелетинский говорит о том, что совершилась своего рода трансформация мифа в сказку¹¹⁰. Эту точку зрения поддерживают многие ученые, которые занимаются данной проблемой. Но об этом мало говорить, это утверждение должно иметь достаточно фактов для своего подтверждения, можно лишь согласиться с тем, что все те пункты, которые я перечислила выше, дали начало поэтической форме сказки. Все те пункты в сказке получили исключительно художественные функции.

Также хочется ответить такой важный момент. Все те чудеса и «дива», которые случаются в волшебной сказке, имеют под собой жизненные основания. Во-первых, это проявляется в том, что в сказке отражается быт родоплеменного строя людей, показывается их отношение к природе, к ее силе, ее возможностям, говорится о том, что они ничего не могут сделать против природы. Вторым пунктом будет то, что в сказке получает свое отражение также и феодальный строй, показываются также и его особенности, акцент в большей степени делается на ранний феодализм, где царь является отрицательным персонажем, который мешается главному герою или же идет «бой» за руку царевны, если же конечно герой победит злые силы, то получит свою невесту. Интересно то, что капиталистический строй не каким образом не отразился в волшебных сказках. Скорее всего, можно предположить, что развитие сказки остановилось на формировании капиталистического строя. Основа для существования

---

¹⁰⁹ Мелетинский Е.М. Миф и сказка. М., 1970. С. 289.

¹¹⁰ Мелетинский Е.М. Миф и сказка. М., 1970. С. 292.

волшебных сказок была мечта народа иметь власть над силой природы, уметь подавить природу.

Если говорить о сюжете волшебных сказок то, он очень многообразен. А. Аарне включил в свой указатель 192 сюжета, которые присутствуют в волшебных сказках.

В. Я. Пропп в своем указателе, который приложен к изданию сказок Афанасьева, производит деление русских волшебных сказок на группы. Суть деления этих групп заключается в том, что делятся они по действующим лицам сказки, об этом говорится в его теории о функции действующих лиц. Так, например, первая группа является борьбой главного героя с чудесным противником. Сказками этой группы являются: «Баба-Яга»¹¹¹, «Марья - Моревна»¹¹² и «О молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде»¹¹³. Вторым объединением волшебных сказок, является группа сказок в центре сюжета, которых смысл заключен в поиске и вызволении из плена возлюбленной или любимого. Примером таких сказок являются сказки: «Поди туда-не знаю куда, принеси то-не знаю, что»¹¹⁴ и «Финист – ясный сокол»¹¹⁵. Третьим типом сказок являются сказки о удивительном помощнике. Наиболее запоминающейся сказкой этой группы является «Сивко-Бурко»¹¹⁶. Следующая группа волшебных сказок, это сказки о чудесном предмете, с помощью которого герой достигает цели («Василиса Прекрасная»¹¹⁷). Пятой группой является сказки о каком-либо удивительном умении или же чудесной способности. В шестую группу В.Я. Пропп выделил сказки, которые не смог распределить в остальные пять групп. Шестая группа называется «прочие волшебные сказки»¹¹⁸.

Еще можно выделить среди мотивов, которые составляют действие, и они используются довольно часто. Они обычны для сказок. Первый мотив – это

---

¹¹¹ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Лит. памятники. М., 1984–1985. С. 99-101.

¹¹² Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Лит. памятники. М., 1984–1985. С. 252-254.

¹¹³ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Лит. памятники. М., 1984–1985. С. 182-184

¹¹⁴ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Лит. памятники. М., 1984–1985. С. 90-104.

¹¹⁵ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Лит. памятники. М., 1984–1985. С. 79-84.

¹¹⁶ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Лит. памятники. М., 1984–1985. С. 90-93.

¹¹⁷ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Лит. памятники. М., 1984–1985. С. 101-109.

¹¹⁸ Пропп В.Я. Собрание трудов. М., 1998. 512с. Т. 2: Морфология "Волшебной" сказки; Исторические корни волшебной сказки. С. 307.

причина, которая может заставить главного героя перейти к действию, такими причинами могут быть, сложное поручение, как в сказке «Поди туда-не знаю куда, принеси то-не знаю, что». Также мотивом может быть стремление обыграть своего врага, обхитрить его, возможно суметь убежать от него ил же просто его наказать, проучить. Если говорить об основной схеме построения волшебной сказки, то это первое, главный герой получает какое-нибудь задание, с которым ему не очень легко справиться или вовсе невозможно, следующим действием будет то, что герой начинает пытаться найти то, что ему поручили, и с помощью различных предметов, чудесных помощников и т.п., он находит то, что ищет, далее происходит борьба с отрицательным персонажем, также победу над ним, персонаж одерживает, благодаря чудесным предметам, конец волшебной сказки всегда является счастливым, главный герой получает то, что он хотел и возвращается домой. Вот такой является основная линия сюжета. Конечно, она видоизменяется с конкретным содержанием сказки.

Эпизоды и мотивы в волшебной сказке идут друг за другом в определенном порядке. Но несмотря на это, в волшебных сказках очень часто встречается, на много чаще, чем в других типах сказок, то что называют контаминацией, то есть в волшебной сказке часто происходит соединение или вставка в сюжет основного повествования, сюжеты других мотивов. И при таком влиянии на сюжет не происходит нарушения целостности рассказа произведения, поскольку идет включение только того, что будет синхронизироваться с основным повествованием сказки. Основой для данного соединения служит прежде всего схожесть различных сюжетов.

Если говорить о структуре волшебной сказки, то в первую очередь нужно сказать о том, что структура волшебной сказки очень отличается от структур сказок о животных или социально-бытовых сказок.

Необычно в структуре волшебной сказки является то, что многие действия повторяют по три раза. К примеру, в сказке если присутствуют братья, то их обязательно должно быть трое, если на пути нашего главного героя встречаются препятствия то, их непременно будет три. Если в сюжете сказки присутствует

мотив бегства, то положительный персонаж для того, чтобы скрыться от своего врага, оторваться от погони использует для этого три чудесных предмета. Когда же главный герой вступает в бой со своим недругом, они будут трижды и только на третий раз наш герой одержит окончательную победу и сможет достичь, поставленной перед ним, цель. Вот такой удивительный «закон» имеет волшебная сказка в своем повествовании.

В волшебных сказках обычно наличие так называемых присказок, зачинов и концовок. Они имеют функцию по оформлению сказки, как бы предназначены для обозначения начала и конца волшебной сказки. Иногда данный присказки могут быть даже не связаны с сюжетом. Эти элементы часто имеют рифму и свой ритм. Целью данных прибауток является, то чтобы слушатели привлекли внимание к сказке, начали слушать то, о чем сейчас пойдет речь. После присказки, которая может и отсутствовать, поскольку она присутствует не у всех сказок, идет зачин, который начинает рассказ. Роль зачина очень проста, он должен осуществить перенос слушателя в мир сказки. В зачине обычно говорится о том, где происходит повествование, кто главный герой, место, где он находится, то есть рассказывает нам о том, что представляет экспозиция сказки. Конечно же время и место, о котором говорится в зачине, в волшебной сказке они не реальны, не будет названо определенное место или время, они будут фантастичны. На мой взгляд это безусловно должно натолкнуть на слушателя мысль о том, что действия о которых пойдет речь в сказке будет очень необычны. Зачины волшебных сказок делятся на несколько типов. Зачин «жили-были» употребляется чаще всего в волшебных сказках, естественно в этом зачине указывается кто жил («старик со старухой») и указываются обстоятельства (у была у них курочка Ряба»). Так же существует другой тип зачина это: «в некотором царстве, в некотором государстве». Два этих зачина могут присутствовать в одной сказке.

Так же в сказке может присутствовать концовка. Обычно она имеет рифму, она ритмична, она носит юмористический характер. Целью концовки является то, чтобы она переключила внимание слушателя на реальный мир, то есть

отвлекает его от мира сказок. Волшебная сказка также имеет несколько типов концовки. Первый тип заключает в себе итог: «Стали они жить-поживать, да добра наживать»; следующий тип концовки – концовка плюс конечная присказка: «И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.»

Концовки, присказки, зачины имеют давно устоявшийся текст, они представляют своего рода формулы. Но волшебная сказка помимо «формул» зачина, концовки и присказки, имеет и другие: например, магические обращения «Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом!»; определенные особенности описания персонажа, который присутствует в сказке: «Баба-Яга, костяная нога, в ступе едет, пестом упирает, помелом след замечает», также формулу может иметь просто описание внешности персонажа или же замечания, которые имеются рассказчика по пути повествования.

Несмотря на то, что в волшебных сказках очень много дополнительных элементов, вставок по ходу сюжета, «законов», которые должны сохраняться по пути повествования сюжета, рассказ идет постепенно, развивается последовательно, действия проходят динамично, связно, ситуации всегда напряженные, иногда они просто-напросто страшные. Многие сюжеты, ситуации, какие-либо повороты сюжета случаются неожиданно.

Проанализировав литературу, которая связана с волшебной сказкой, хотелось бы указать на то, что в ней содержится много сюжетов и мотивов, которые непосредственно связаны с историческим прошлым.

Большое количество образов, которые присутствуют в волшебной сказке, возникли в глубокой древности. Отсюда можно сделать вывод о том, что вымысел, который присутствует в сказках берет начало из древности.

Волшебная сказка – это уникальный образец устного народного творчества, это национальное русское искусство. Своими корнями она уходит глубоко в психику, в восприятие различных ситуаций, культуру и язык народа. Вся фантастика, которая присутствует в повествовании сказки создана путем коллективного труда и общими усилиями русского народа. В волшебной сказке весь быт, вся жизнь, весь характер народа отражается, как в зеркале.

2.4. Примеры отражения исторического прошлого в русской народной волшебной сказке

Русская народная волшебная сказка, является носителем исторической действительности. Об этом писало огромное количество историков, фольклористов и этнографов. Во время своего исследования, я не нашла не одной работы, которая бы отрицала волшебную сказку, как носителя исторического прошлого или несогласие с тем, что русская народная волшебная сказка не может быть историческим источником.

Согласно исследованиям Владимира Яковлевича Проппа волшебная сказка является важным источником информации о древних обрядах перехода у славян и связанной с ними мифологией. Говоря об обряде инициации, он выделяет следующие мотивы: «увод или изгнание детей в лес или похищение их лесным духом, избушка, запродажа, избивание героев ягой, обрубание пальца, показывание оставшимся мнимых знаков смерти, печь яги, разрубание и оживление, проглатывание и извергание, получение волшебного средства или волшебного помощника, травестизм, лесной учитель и хитрая наука. Последующий период до вступления в брак и момент возвращения отражены в мотивах большого дома, накрытого стола в нем, охотников, разбойников, сестрички, красавицы в гробу, красавицы в чудесном саду и дворце (Психея), в мотивах неумойки, мужа на свадьбе жены, жены на свадьбе мужа, запретного чулана и некоторых других»¹¹⁹. Следующее отражение действительности в сказке Пропп видит в представлениях о смерти: «похищение девушек змеями, разновидности чудесного рождения, как возвращение умершего, отправка в путь с железной обувью и пр., лес как вход в иное царство, запах героя, окропление дверей избушки, угощение у яги, фигура перевозчика-путеводителя, далекий путь на орле, коне, лодке и т. д., бой с охранителем входа, стремящимся съесть пришельца, взвешивание на весах, прибытие в иное царство и все аксессуары

---

¹¹⁹ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 428.

его»¹²⁰. Также Пропп увидел соответствие в рассказах шаманов о своих камланиях и странствии сказочного героя.

Елеазар Моисеевич Мелетинский во всех своих работах указывает на неразрывность волшебной сказки и мифа. Он пишет о том, что сказка выделилась из мифа, стало своего рода мечтой для людей. Он говорил о том, что сказка была создана для того, чтобы люди могли верить в то, что все однажды наладится и будет у всех счастливый конец. Мелетинский, как и Владимир Яковлевич видит в ней отголоски обряда инициации, и также, как и Пропп связывает ее с представлением людей о смерти.

Краюшкина Татьяна Владимировна в своем исследовании «Физиология и психология персонажей русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока» увидела «значимые реалии состояний, относящихся к области физиологии и психологии, их взаимосвязь и функции в зависимости от типа сюжетов и типа персонажей. Группа мотивов физиологии и психологии отражает существующее представление о человеке, сложившееся в традиционной культуре русского народа, одни из них схожи с представлениями о человеке в науке, а другие отличаются от них»¹²¹. Татьяна Владимировна говорит о том, что в сказке «реалистично отражает ощущения, физиологию и эмоции персонажа, калькируя их из реальности»¹²².

Исследователи также указывают на бытовые элементы в волшебной сказке. Русская народная волшебная сказка отражает в себе: материальную культуру, религию, социальные институты. Но поскольку сказка все-таки волшебная, бытовые элементы украшаются сказочниками. Большинство данных элементов не имеют ключевую роль в развитие сюжета. Пропп объясняет это тем, что крестьяне пытались откинуть на время от себя бремя земледелия, социальное давление и т.д. В большинстве все упоминания о реальной жизни

---

¹²⁰ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 428.

¹²¹ Краюшкина Т.В. Физиология и психология персонажей русских народных волшебных сказок. Владивосток, 2011. С. 213.

¹²² Краюшкина Т.В. Физиология и психология персонажей русских народных волшебных сказок. Владивосток, 2011. С. 213.

гиперболизированы. То есть, если в сказке присутствует мачеха, то она обязательно будет очень злая. Можно сказать, о том, что в сказке отсутствует точное представление о семье в то время. Поскольку семья обычно состоит из родителей и детей, так как на самом деле, семья была огромна, в ней присутствовало более двух поколений.

В сказке имеется указание на социальную базу. Так, например, есть указания на социальный статус в именах героев: «Иван-Царевич» или же «Иван-дурак крестьянский сын». Но при этом в сказке стираются ограничения. То есть Иван-дурак, может жениться на царской дочке.

Проанализировав примеры исторической реальности, которые выделили исследователи, я пришла к выводу о том, что русская народная волшебная сказка имеет в себе указания на историческую действительность, но она трансформирована благодаря обработке сказочника. То есть к информации, которая несет в себе волшебная сказка стоит относиться критично и объективно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования можно сказать, что русская народная волшебная сказка содержит в себе ряд исторических фактов: обряд инициации, представления о потустороннем мире, социальные институты, в сказке имеется отражение материальной культуры.

Русская народная волшебная сказка имеет в себе огромный исторический потенциал, который на протяжении нескольких веков пытаются изучить ученые из разных гуманитарных наук. Было собрано огромное количество волшебных сказок. Было написано и пишется огромное количество работ, которые раскрывают различные стороны волшебной сказки. На протяжении всего времени от момента издания первого сборника русских народных сказок по сегодняшний день интерес к изучению неуклонно растет. Данный факт я доказала первой главой своего исследования изложив, историю изучения волшебной сказки и показав эволюцию развития в ее изучении.

На протяжении XVIII–XX вв. проходило активное собирание волшебных сказок. Можно увидеть, что сбор сказок происходил почти повсеместно. Собран огромный материал сказок, от территориальных сборников, до сборников одного сказочника. На протяжении всего XX в. к изданию сборников сказок предъявлялись все большие требования, для облегчения изучения. К сожалению, к XXI в. интерес к сбору сказок угас, я связываю данную проблему с тем, что почти во всех районах Российской Федерации не осталось сказочной традиции. Но несмотря на это этнографические экспедиции все равно отправляются на поиск волшебных сказок, хоть уже и более поздних интерпретаций.

Теоретическое изучение сказки не чувствует спада в изучении сказки. С XIX в. появилось огромное количество школ, которые отличаются в подходах и методах изучения сказок, ставят разные вопросы в ее изучении. Современные историки пытаются рассматривать старые проблемы под другим углом, для того чтобы углубить знания и подчерпнуть новую информацию из русской народной волшебной сказки. Толчком для такого бурного изучения волшебной сказки

стала работа Владимира Яковлевича Проппа «Морфология волшебной сказки». Своей работой он подтолкнул исследователей устного народного творчества обратить внимание на волшебную сказку и рассматривать ее с разных сторон.

Также в своей работе, на основании изученных источников, смогла вывести наиболее точный, по моему мнению, термин, что же такое сказка. Сказка – это устное народное прозаическое произведение, которое имеет такое реальное содержание действительности, что в некоторых случаях необходимо использование приукрашивание реальности. Но стоит указать то, что это не окончательное определение, поскольку ученые до сих пор ведут спор по данной теме. Вымысел, который хранится в сказке имеет генетическое начало. Оно имеет корень в самом содержании сказки.

Волшебная сказка единственный тип сказок у которого имеется четкая композиция повествования. Так же при изучении сказки Пропп вычленил из нее 31 функцию. То есть, не смотря на все многообразие текстов волшебных сказок, в себе они имеют одну и ту же структуру повествования, о которой я говорила выше и используют несколько функций из тех 31, которые выделил Владимир Яковлевич.

Русская народная волшебная сказка может выступать в роли исторического источника, но поскольку в ней смешался художественный вымысел и историческая реальность, к анализу информации, которая в ней содержится нужно относиться достаточно критично.

По происхождению волшебной сказки также велось много споров. Сделав анализ происхождения сказки, я сделала вывод о том, что данная тема остается не раскрытой по сегодняшний день. Первый труд, который был посвящен данной теме «Исторические корни волшебной сказки» Проппа. Вывод, который он сделал о том, что композиционное единство кроется исторической реальности прошлого, по моему мнению, является наиболее верным поскольку отголоски в сказке обряда инициации и образов смерти, которые являются костяком волшебной сказки, что это если не отражение исторической действительности.

Сделав попытку изучить русскую народную волшебную сказку, я поняла то, что она не является просто фантастическим рассказом, который не имеет для своего существования никаких оснований. Реальность, которая представлена в сказке – это ничто иное как система отношений. Реальный мир и фантазия сказочника сплетаются в волшебной сказке.

У русской народной волшебной сказке, по моему мнению, имеется огромный исторический потенциал, поскольку она несет в себе не только этнографическую информацию, которая связана с жильем, одеждой, едой или социальными отношениями. Она отражает в себе сакральную информацию, которую держали в тайне несколько веков – это и обряд инициации, и представления о смерти, место проведения обрядов. Она имеет в себе отражение психологических и физиологических особенностей. Эта информация имеет огромный исторический потенциал и важна для гуманитарных наук.

Работа, проведенная в данном исследовании, станет хорошим подспорьем для дальнейшего изучения русской народной волшебной сказки. Поскольку существует еще огромное количество вопросов и проблем, которые касаются волшебной сказки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Опубликованные источники

- 1.1. Азадовский М. К. Восточносибирские сказки / М. К. Азадовский. СПб.: Тропа Троянова, 2006. 534 с.
- 1.2. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки в трёх томах / Издание подготовили Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. М.: Наука, 1984–1985. Т. 1-3. 511+465+495 с.
- 1.3. Ахундов А. Азербайджанские сказки / А. Ахундов. Баку: Изд. Акад. наук Азерб. ССР, 1950. 512 с.
- 1.4. Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии / Д. К. Зеленин. Пг.: Тип. А. В. Орлова, 1914. 656 с.
- 1.5. Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии / Д. К. Зеленин. Пг.: Тип. А. В. Орлова, 1915. 640 с.
- 1.6. Колесницкая И. М. Русские народные сказки / И. М. Колесницкая // Советская этнография. 1970. №3. С. 190.
- 1.7. Королькова А. Н. Русские народные сказки / Э. В. Померанцева. М.: Наука, 1969. 410 с.
- 1.8. Комовская Н. Д. Предания, бывальщины и сказы Горьковской области / Н. Д. Комовская. Горький: Горьк. обл. гос. изд., 1951. 328 с.
- 1.9. Комовская Н. Д. Сказки М. А. Сказкина / Н. Д. Комовская. Горький: Горьк. Обл. гос. изд., 1952. 205 с.
- 1.10. Лекарство от задумчивости: Русская сказка в изданиях 80-х годов XVIII в. СПб.: Тропа Троянова, 2001. 413 с.
- 1.11. Любимов А. А. Песни и сказы рыбаков / А. Любимов, Ф. Охотникова. Астрахань: газета «Волга», 1952. 172 с.

- 1.12. Ончуков Н. Е. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая / Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Спб.: Тропа Троянова, 1998. 643 с.
- 1.13. Померанцева Э. В. Русские сказки в ранних записях и публикациях XVI – XVIII вв / Э. В. Померанцева. Изд. Наука, 1971. 289 с.
- 1.14. Русские сказки и песни в Сибири / Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества по этнографии 1902 и 1906 гг. Спб.: Тропа Троянова, 2000. 606 с. (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – т. 3).
- 1.15. Садовников Д. Н. Сказки и предания Самарского края / Д. Н. Садовников. Спб.: Тропа Троянова, 2003. 447 с.
- 1.16. Худяков И. А. Великорусские сказки / И. А. Худяков. М.: Грачева В. И К°, 1860. 158 с.
- 1.17. Чернышева В. И. Сказки и легенды пушкинских мест / В. И. Чернышева. Спб.: Наука, 2004. 342 с.
- 1.18. Шурыгин В. Ф. Сказки Смоленщины / В. Ф. Шурыгин. Смол. обл. гос. изд., 1949. 68 с.

Литература

1. Адоньева С. Б. Сказочный текст и традиционная культура / С. Б. Адоньева. Изд. Санкт-Петербургского Университета, 2000. 180 с.
2. Арутюнов С.А. Дж. Дж. Фрэзер. Золотая ветвь. Исследование магии и религии /С.А. Арутюнов // Советская этнография. 1982. №2. С. 139-140.
3. Белова О. В., Петрухин В.Я. Фольклор и книжность: миф и исторические реалии / О. В. Белова, В.Я. Петрухин. М.: Наука, 2008. 263 с.
4. Бесолова Е. Б. Язык фольклора: специфика мышления и концептуализация символов: монография / Е. Б. Бесолова. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2015. 176 с.

5. Веселовский А. Н. Статьи о сказке, 1868–1890 / А. Н. Веселовский // Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 376 с.
6. Ветухов А. В. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова. (Из истории мысли) / А. В. Ветухов. Варшава: Тип. Варшав. Учеб. Округа, 1907. 522 с.
7. Кербелите Б. Валужис А. Один разрушенный вариант сказки и его связь с древней традицией / Б. Кербелите А. Валужис // Балто-славянские этноязыковые контакты. 1980. С. 255-271.
8. Кербелите Б. О причинах сюжетного сходства некоторых литовских и восточнославянских сказок / Б. Кербелите // Балто-славянские этноязыковые контакты. 1981. С. 244-252.
9. Краюшкина Т. В. Мотивы тела и телесных состояний человека в русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока / Т. В. Краюшкина. Владивосток: Дальнаука, 2009. 338 с.
10. Краюшкина Т. В. Физиология и психология персонажей русских народных волшебных сказок / Т. В. Краюшкина. Владивосток: Дальнаука, 2011. 258 с.
11. Липец Р. Песни и сказы рыбаков / Р. Липец // Советская этнография. 1952. №4. С. 211.
12. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа / Е. М. Мелетинский. М.- СПб.: Академия Исследований Культуры, Традиция, 2005. 239 с.
13. Мелетинский Е. М. Миф и сказка / Е. М. Мелетинский // Фольклор и этнография. 1970. №1. С. 139-149.
14. Мелетинский Е. М. Структурно-топологическое изучение сказки / Е. М. Мелетинский. М.: Лабиринт, 1998. 15 с.
15. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 408 с.
16. Неклюдов С. Ю. Структура волшебной сказки / С. Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2001. 229 с.

17. Никифоров А. И. Сказка и сказочник / А. И. Никифоров. М.: ОГИ, 2008. 376 с.
18. Новиков Н. В. Образы русской и болгарской волшеббно-фантастической сказки / Н. В. Новиков // Русский фольклор. 1968. Т. 11. С. 140-159.
19. Новиков Н. В. О собирании и сравнительном изучении восточнославянской сказки / Н. В. Новиков// Русский фольклор. 1963. Т. 8. С. 81-98.
20. Новиков Н. В. О специфике образа восточнославянской сказке (Кашей Бессмертный) / Н. В. Новиков // Русский фольклор. 1966. Т.10. С. 149-176.
21. Померанцева Э. В. А. Н. Афанасьев и братья Гримм / Э. В. Померанцева // Советская этнография. 1985. №6. С.84-90.
22. Померанцева Э. В. Русская народная сказка / Э. В. Померанцева. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 128 с.
23. Померанцева Э. В. Предания, бывальщины и сказы Горьковской области / Э. В. Померанцева // Советская этнография. 1950. №4. С.224-225.
24. Померанцева Э. В. Сказки и легенды пушкинских мест / Э. В. Померанцева // Советская этнография. 1951. №1. 217 с.
25. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.
26. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я Пропп. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 364 с.
27. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я Пропп. Л.: Academia, 1928. 152 с.
28. Пропп В. Я. Русская сказка. / В. Я. Пропп. М.: Лабиринт, 2000. 415 с.
29. Пушкарев Л. Н. Сказки Смоленщины / Л.Н. Пушкарев // Советская этнография. 1951. №1. С. 218-220.
30. Рошияну Н. Традиционные формулы сказки / Н. Рошияну. М.: Наука, 1974. 216 с.
31. Савушкина Н. Сказки М. А. Сказкина / Н. Савушкина // Советская этнография. 1954. №4. С.169-171.

32. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. М.: Индрик, 1995. 262 с.
33. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь / Дж. Дж. Фрэзер. М.: Политиздат, 1980. 773 с.
34. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор: Очерки теории / К. В. Чистов. АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Л.: Наука, 1986. 303 с.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Гуманитарный институт
Кафедра истории России

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

 М. Д. Северьянов

подпись

«18» июня 2018 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

46.03.01 – История

Репрезентация исторической реальности в русской народной волшебной сказке (анализ опыта междисциплинарных исследований)

Руководитель

подпись, дата

д-р ист. наук, профессор В. П. Кривоногов

Выпускник

подпись, дата

Г. А. Евдокимова

Красноярск 2018